

18+

**Обзор судебной
практики
Верховного
суда РФ
за 2011 год**

Том 10

Сергей Назаров

**Обзор судебной практики
Верховного суда РФ
за 2011 год. Том 10**

«Издательские решения»

Назаров С.

Обзор судебной практики Верховного суда РФ за 2011 год. Том 10
/ С. Назаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988671-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Книга будет полезна всем юристам, адвокатам,
интересующимся правовыми позициями Верховного суда РФ. Какие-то
правовые позиции актуальны до сих пор, какие-то нет, но они, безусловно,
оказывают влияние на судебную систему и в настоящее время.

ISBN 978-5-44-988671-2

© Назаров С.
© Издательские решения

Содержание

ОБЗОР	7
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	7
Вопросы квалификации преступлений	7
Вопросы назначения наказания	7
Процессуальные вопросы	10
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	14
Договорные обязательства	16
Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из жилищных правоотношений	20
Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных правоотношений	22
Процессуальные вопросы	25
Вопросы уплаты государственной пошлины	29
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ	32
РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	34
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ	34
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ	36
По уголовным делам	36
По гражданским делам	36
ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	40
Извлечения из постановлений	40
ОБЗОР	44
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	44
Вопросы квалификации преступлений	44
Назначение наказания	47
Процессуальные вопросы	49
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	52
Практика рассмотрения дел, касающихся реализации права на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок	52
Практика рассмотрения дел по спорам возникающим из наследственных правоотношений	55
Практика рассмотрения дел по спорам возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений	57
Вопрос подведомственности споров	61
Иные процессуальные вопросы	62
Практика взыскания судебных расходов	63
РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	64
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ	66
По уголовным делам	66
По гражданским делам	66

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	68
Извлечения из постановлений	68
ОБЗОР КАССАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2011 ГОДА (Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г.)	74
I. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАБОТЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	74
II. ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Обзор судебной практики Верховного суда РФ за 2011 год Том 10

Сергей Назаров *Составитель*

ISBN 978-5-4498-8671-2 (т. 10)

ISBN 978-5-4498-3750-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2011 ГОДА (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2011 года)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации преступлений

1. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Судом установлено, что 28 марта 2009 г. З. нашел один патрон калибра 7,62 мм, который, по заключению эксперта, является боеприпасом к нарезному охотничьему огнестрельному оружию, принес его домой и незаконно хранил в квартире. Указанный патрон был обнаружен и изъят 6 апреля 2009 г. во время обыска.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) З. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор суда, указав следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Признавая З. виновным в незаконных приобретении и хранении боеприпаса – единичного патрона калибра 7,62 мм, суд не дал оценки тому обстоятельству, что З. никакого оружия не имел, приобрел (нашел) патрон случайно и при этом не придавал никакого значения его нахождению (хранению) в своей квартире.

Кроме того, суд в приговоре не привел данных, свидетельствующих о том, что З. своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила приговор суда с прекращением дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления и признала за З. право на реабилитацию.

Определение N 55-Д10—23

Вопросы назначения наказания

2. В соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые являлось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

По приговору суда от 9 февраля 2006 г. К. (судимый 13 января 2005 г. по п. п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года) осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 74, ст. 70 УК РФ условное осуждение по приговору от 13 января 2005 г. отменено и по совокупности приговоров с частичным присоединением неотбытого наказания по приговору от 13 января 2005 г. окончательно назначено 13 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации определением от 19 июля 2006 г. приговор в отношении К. оставила без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в отношении К. по следующим основаниям.

Указав, что К. судим за преступление средней тяжести, суд установил наличие в его действиях рецидива преступлений и признал данное обстоятельство отягчающим наказание осужденного.

Однако судом не учтено, что К. был осужден условно, а в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые являлось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Из материалов дела следует, что условное осуждение К. по приговору от 13 января 2005 г. ранее не отменялось, наказание, назначенное судом, не исполнялось.

Таким образом, в действиях К. отсутствует рецидив преступлений.

В связи с этим Президиум исключил из приговора указания о наличии в действиях К. рецидива преступлений и о признании рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание.

3. Суд ошибочно признал рецидив преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, поскольку при признании рецидива преступлений в силу п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются судимости за преступления небольшой тяжести.

По приговору суда от 19 августа 2005 г. С. (судимый 29 января 2002 г. по п. п. «б», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ) осужден по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 12 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений С. назначено 18 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения на основании ч. 1 ст. 409, п. 3 ч. 1 ст. 379, п. 1 ст. 382 УПК РФ ввиду неправильного применения уголовного закона.

На момент постановления приговора суда от 19 августа 2005 г. в приговор суда от 29 января 2002 г. были внесены изменения, постановлением от 20 апреля 2004 г. действия осужденного переквалифицированы с п. п. «б», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок до двух лет, то есть данное преступление отнесено законом (ч. 2 ст. 15 УК РФ) к категории преступлений небольшой тяжести.

В связи с тем, что при признании рецидива преступлений в соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются судимости за преступления небольшой тяжести, суд ошибочно признал рецидив преступлений обстоятельством, отягчающим наказание С.

Президиум исключил из приговора указание о признании рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, и смягчил наказание по каждой статье.

4. Судом принято обоснованное решение о назначении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью.

По приговору суда от 2 декабря 2010 г. Б. осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к лишению свободы на 1 год 10 месяцев с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на 2 года 6 месяцев, по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 303 УК РФ к лишению свободы на 10 месяцев с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на 2 года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ Б. окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на 2 года с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на 3 года.

Судом установлено, что М., работавший старшим дознавателем отдела дознания УВД, покушался на получение через посредника – адвоката Б. взятки за незаконные действия, а также покушался на фальсификацию доказательств по уголовному делу, а адвокат Б. оказывал ему в этом пособничество.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала несостоятельными доводы кассационной жалобы адвоката о необоснованном назначении Б. дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью.

В силу ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

К профессиональной деятельности относят деятельность, осуществляемую на постоянной основе за определенное вознаграждение или с целью извлечения прибыли, в связи с чем судом принято обоснованное решение о назначении Б. дополнительного наказания в виде лишения права заниматься адвокатской деятельностью на определенный срок.

5. Назначая наказание за приготовление к преступлению при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, следует исчислять две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за неоконченное преступление.

По приговору суда Ш. осужден по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 8 годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор суда и кассационное определение в отношении Ш., смягчил ему наказание по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 66 УК РФ срок и размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации за оконченное преступление.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

При назначении Ш. наказания суд признал смягчающим обстоятельством его активное содействие раскрытию и расследованию преступления. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Следовательно, назначаемое ему по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание с учетом ч. 1 ст. 62 УК РФ не могло превышать 6 лет 8 месяцев лишения свободы.

Однако Ш. назначено за указанное преступление 8 лет лишения свободы, то есть наказание, превышающее две трети максимального срока наказания, предусмотренного за неоконченное преступление.

Президиум смягчил назначенное Ш. наказание по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 6 лет 6 месяцев лишения свободы.

6. Суд кассационной инстанции исключил указание о назначении осужденным наказания в виде ограничения свободы, поскольку в нарушение положений ч. 1 ст. 53 УК РФ суд не указал, какие именно ограничения он установил для осужденных, тем самым фактически не назначил им этот вид наказания.

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 400-П10

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 393-П10

Определение N 51-О10—94

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 408-П10

Определение N 41-О11—21

Процессуальные вопросы

7. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства об отводе судьи самостоятельному кассационному обжалованию не подлежит. Проверка законности и обоснованности такого промежуточного судебного решения может осуществляться лишь после завершения производства в суде первой инстанции одновременно и в связи с обжалованным приговором или иным итоговым решением.

8. Суд обоснованно возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, ввиду того что обвинительное заключение утверждено ненадлежащим прокурором.

Постановлением областного суда от 7 сентября 2010 г. уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении тринадцати преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ, и преступлений, предусмотренных п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ст. 156 УК РФ, возвращено прокурору области для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В обоснование принятого решения суд сослался на то, что обвинительное заключение утверждено неправомочным прокурором, что лишает данный процессуальный акт юридической силы и служит препятствием для последующего рассмотрения дела, исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы адвоката в защиту интересов А., оставила постановление суда без изменения.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основании данного обвинительного заключения.

По смыслу указанной нормы закона, возвращение дела прокурору в случае нарушения требований УПК РФ при составлении обвинительного заключения может иметь место, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, нарушенных на досудебных стадиях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения обжалуемого постановления, верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа подсудны уголовные дела об изнасиловании несовершеннолетней.

А. обвиняется в совершении, наряду с другими преступлениями, изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей, заведомо для него несовершеннолетней, то есть уголовное дело подсудно областному суду и обвинительное заключение подлежало утверждению прокурором области либо его заместителем.

Однако обвинительное заключение в отношении А. утверждено 31 мая 2010 г. заместителем межрайонного прокурора.

Таким образом, обвинительное заключение утверждено неправомочным прокурором, что лишает данный процессуальный акт юридической силы и служит препятствием для последующего рассмотрения дела.

9. Несовершеннолетие осужденной, которой на время совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, было 17 лет, не является основанием для проведения закрытого судебного заседания, так как согласно п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ в закрытых заседаниях рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста.

10. Лишение судом подсудимых права на последнее слово является нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

Как следует из протокола судебного заседания, председательствующий в ходе судебного разбирательства за нарушение порядка в судебном заседании и неподчинение его распоряжениям удалил подсудимых из зала судебного заседания до окончания прений.

Подсудимые заявили ходатайства, в которых просили ознакомить их с выступлениями государственного обвинителя и подсудимого С. и дать им время для подготовки к последнему слову.

Обсудив данные ходатайства, председательствующий постановил оставить их без удовлетворения, поскольку ознакомление с протоколом судебного заседания возможно только после его изготовления и подписания. В постановлении указано, что поведение подсудимых суд оценивает как отказ от выступления с последним словом и считает данную стадию судебного разбирательства для них оконченной.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор суда по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 3 ст. 258 УПК РФ в случае удаления подсудимого из зала суда ему должно быть предоставлено право на последнее слово.

Как следует из материалов дела, подсудимые И. и М. обратились с ходатайством об ознакомлении с выступлениями государственного обвинителя и подсудимого С., одновременно подсудимые просили предоставить им время для подготовки к последнему слову.

Таким образом, в ходатайствах не содержались сведения об отказе подсудимых от последнего слова.

Суд отказал в удовлетворении ходатайств подсудимых в части ознакомления с выступлениями в прениях, однако оставил без разрешения их в части предоставления времени для подготовки к последнему слову. Более того, суд не ознакомил осужденных с решением, принятым по их ходатайствам, и не предоставил им реальную возможность довести до сведения

суда свою позицию по вопросу выступления с последним словом. При таких обстоятельствах нельзя согласиться с выводом суда о том, что осужденные отказались от последнего слова.

11. Непредоставление осужденному возможности получить копию протокола судебного заседания и нерассмотрение его ходатайства об этом является нарушением уголовно-процессуального закона и повлекло отмену кассационного определения.

Как усматривается из материалов дела, 22 ноября 2007 г. осужденный Л. направил в Верховный суд Республики Дагестан ходатайство, в котором просил изготовить копию протокола судебного заседания за его счет.

Однако данное ходатайство осужденного судьей не было разрешено по существу, копия протокола судебного заседания по его просьбе не изготовлена, и, вместе с тем, не вынесено решение об отказе в удовлетворении заявленного им ходатайства.

В результате осужденный Л. в нарушение ч. 8 ст. 259 УПК РФ, предоставляющей участникам судебного разбирательства возможность получить копию протокола судебного заседания за их счет, был ограничен в реализации его процессуальных прав.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил кассационное определение в отношении осужденного Л., а уголовное дело передал на новое кассационное рассмотрение.

12. В соответствии с ч. 3 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, возмещаются за счет средств федерального бюджета.

В ходе судебного заседания переводчик П. осуществлял для подсудимого А. перевод с русского языка на армянский.

После оглашения приговора в отношении А. судья вынес постановление об оплате труда переводчика П. в размере 34 240 рублей из средств федерального бюджета Российской Федерации.

Указанную сумму, относящуюся к процессуальным издержкам, суд в регрессном порядке взыскал с осужденного А. в доход государства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила постановление судьи и исключила указание о взыскании с А. процессуальных издержек в сумме 34 240 рублей.

Согласно ст. 18 УПК РФ уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик.

Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в установленном порядке.

В соответствии с ч. 3 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, возмещаются за счет средств федерального бюджета.

С учетом изложенного взыскание с осужденного А. в доход государства процессуальных издержек, связанных с участием в уголовном деле переводчика, не основано на законе.

13. Вступивший в законную силу приговор районного суда и постановление президиума областного суда отменены, производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых обстоятельств.

Н. признана виновной в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, заведомо для нее находящегося в беспомощном состоянии, и осуждена по п. «б» ч. 2 ст. 111 и ст. 156 УК РФ.

После вступления приговора в отношении Н. в законную силу потерпевший А. скончался в реанимационном отделении больницы.

Прокурор района в соответствии со ст. 415, п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ возбудил производство по уголовному делу в отношении Н. ввиду новых обстоятельств.

В ходе проверки была произведена комиссионная судебно-медицинская экспертиза, согласно выводам которой между причиненными потерпевшему телесными повреждениями (за их причинение осуждена Н.) и наступлением его смерти существует причинно-следственная связь.

Эти обстоятельства на момент рассмотрения уголовного дела и вынесения приговора Н. не были известны суду и являются новыми.

Президиум областного суда отклонил заключение и.о. прокурора области о возобновлении производства по уголовному делу и отмене состоявшегося приговора в отношении Н., сославшись на предусмотренный ст. 252 УПК РФ запрет на изменение обвинения, если при этом ухудшается положение подсудимого и нарушается его право на защиту.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила заключение заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств по следующим основаниям.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 16 мая 2007 г. N 6-П признал положения п. 2 ч. 2 ст. 413, ч. 3 ст. 413, ст. 418 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 237 УПК РФ – в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Срок давности привлечения Н. к уголовной ответственности не истек.

Данные, полученные в ходе расследования, следует отнести к указанным в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ новым обстоятельствам, поскольку они свидетельствуют о наличии в действиях осужденной Н. другого состава преступления и являются основанием для возобновления производства по делу и отмены состоявшихся судебных решений.

Судебная коллегия отменила приговор и постановление президиума областного суда, дело направила на новое судебное рассмотрение.

Определение N 37-О11—3

Определение N 82-О10—53

Определение N 5-О11—52

Определение N 48-О10—166

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 370-П10пр

Определение N 41-О10—125

Определение N 89-Дп10—20

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Практика рассмотрения дел, касающихся реализации права на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок

1. Приостановление производства по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, не является основанием для присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок лицу, не признанному в установленном законом порядке потерпевшим.

М. обратилась в городской суд с исковым заявлением к Российской Федерации в лице Минфина России о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, в том числе права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Определением судьи городского суда исковое заявление М. возвращено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определение судьи городского суда оставила без изменения, а частную жалобу М. в части требований о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок – без удовлетворения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 244.1 ГПК РФ лицо, полагающее, что государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, учреждением, должностным лицом нарушено его право на судопроизводство в разумный срок, включая досудебное производство по уголовному делу, или право на исполнение судебного постановления в разумный срок, вправе обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок.

При этом в соответствии с ч. 4 ст. 244.1 ГПК РФ заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано заинтересованным лицом в суд в шестимесячный срок со дня вступления в законную силу приговора суда, вынесенного по данному делу, либо другого принятого дознавателем, следователем, прокурором, руководителем следственного органа, судом решения, определения, постановления, которыми прекращено уголовное судопроизводство. При условии, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, установлено, заявление о присуждении компенсации может быть подано также до окончания производства по уголовному делу в случае, если продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года и заинтересованное лицо ранее обращалось с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Как видно из заявления М. и приложенных к нему документов, 6 октября 2000 г. прокуратурой было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ по факту мошеннических действий С. 13 декабря 2008 г. производство по указанному уголовному делу приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. 22 октября 2010 г. начальнику следственного отдела ОВД прокуратурой внесено требование о возобновлении производства по уголовному делу.

Заявитель М. по названному уголовному делу не признана потерпевшей, и по делу не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. На этом основании суд, руководствуясь ч. 4 ст. 244.1 ГПК РФ, правомерно пришел к выводу, что у М. отсутствует право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок на основании Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

2. Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения.

А. обратился в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 218 896 рублей, а также о присуждении компенсации морального вреда в размере 200 000 рублей.

Решением городского суда заявление А. удовлетворено частично, в его пользу с Минфина России за счет средств федерального бюджета взысканы компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 5 000 рублей, расходы по оплате проезда к месту проведения судебного разбирательства, судебные расходы по уплате государственной пошлины в размере 200 рублей. В удовлетворении требований в остальной части отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации изменила решение суда в части, определив ко взысканию в пользу А. компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 30 000 рублей, а в остальной части решение суда оставила без изменения, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся в судебном процессе сторонами или заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора третьими лицами, взыскатели, должники, а также подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные, оправданные, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики в уголовном судопроизводстве, в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в разумный срок могут обратиться в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение в порядке, установленном названным Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации (далее – заявитель), за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (непреодолимой силы).

На основании ч. 2 ст. 2 названного Закона размер компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского Суда по правам человека.

В силу ч. ч. 3 и 4 ст. 6.1 ГПК РФ при определении разумного срока судебного разбирательства, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу. Обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе

с заменой судьи, а также рассмотрение дела различными судебными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу.

Судом установлено, что 18 мая 2006 г. А. обратился в районный суд с иском к Сбербанку России о признании действий незаконными и взыскании компенсации морального вреда. По существу гражданское дело было рассмотрено районным судом 7 мая 2008 г. (иск удовлетворен частично), решение суда в законную силу вступило 7 августа 2008 г. Общая продолжительность судопроизводства по данному делу составила 2 года 2 месяца и 20 дней.

Удовлетворяя частично требования А. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, суд пришел к правильному выводу о том, что продолжительность судопроизводства по данному делу нельзя признать разумным сроком рассмотрения дела.

При этом суд обоснованно исходил из того, что основная задержка судебного разбирательства произошла на стадии принятия искового заявления к своему производству, иск был сначала оставлен определением судьи районного суда без движения, а впоследствии судом первой инстанции исковое заявление было оставлено без рассмотрения. А поскольку указанные определения районного суда были отменены судом кассационной инстанции, суд пришел к правильному выводу о том, что названные действия суда по рассмотрению дела были неэффективными, вследствие чего право А. на судопроизводство в разумный срок было нарушено.

Суд пришел к правильному выводу о том, что в дальнейшем при рассмотрении названного гражданского дела суд действовал достаточно эффективно. Судебные заседания назначались регулярно с незначительными перерывами, позволяющими своевременно известить лиц, участвующих в деле, в том числе истца, который проживает в другом регионе, а также соблюсти всю процедуру судопроизводства, предусмотренную действующим процессуальным законодательством.

В то же время Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с учетом конкретных установленных судом обстоятельств дела, не представляющего правовой и фактической сложности, признала необоснованным вывод суда первой инстанции о том, что безотлагательное отправленное правосудия не было обусловлено характером заявленного А. требования. На этом основании, а также с учетом практики Европейского Суда по правам человека сумма компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, подлежащая взысканию в пользу А., увеличена до 30 000 рублей.

Принимая решение по требованиям А. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, суд первой инстанции правомерно отказал ему во взыскании компенсации морального вреда. В соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ. Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения.

Определение N 5-Г11—4

Определение N 5-Г10—275

Договорные обязательства

3. В случае неисполнения решения суда о взыскании с заемщика суммы основного долга и процентов, предусмотренных договором займа, займодавец вправе обратиться в суд с тре-

бованием о взыскании с должника процентов на сумму займа, предусмотренную договором, начиная со дня, по которому решением суда были взысканы указанные проценты, до дня фактического исполнения решения суда о взыскании полученной заемщиком суммы займа.

Как установлено судом, 20 июня 2004 г. Е. и А. заключили два договора займа, согласно которым Е. передал А. определенную денежную сумму на срок один месяц. По договорам займа А. должен был выплачивать проценты по ставкам 24% годовых и 26,4% годовых соответственно.

Вступившим в законную силу заочным решением районного суда от 17 августа 2007 г. по делу по иску Е. к А. о взыскании долга по договору займа и процентов по договору займа с А. в пользу Е. взыскана сумма основного долга, проценты за пользование денежными средствами по договорам займа, расходы по оплате государственной пошлины.

Е. обратился в суд с иском к А. о взыскании долга, сославшись на то, что до настоящего времени ответчик не вернул денежные суммы по договорам займа и не выплатил проценты за пользование заемными средствами. Истец просил суд с учетом уточненных исковых требований взыскать в его пользу с ответчика проценты за пользование денежными средствами по договорам займа за период с 20 июня 2007 по 20 сентября 2009 г., а также неустойку за пользование заемными средствами в соответствии со ст. 395 ГК РФ за период с 1 октября 2007 по 1 октября 2009 г.

Решением районного суда от 9 октября 2009 г., оставленным без изменения определением областного суда от 24 ноября 2009 г., исковые требования Е. удовлетворены частично. В его пользу с А. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами за период с 1 октября 2007 по 1 октября 2009 г. и расходы по оплате государственной пошлины, в остальной части иска отказано.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Е. в части взыскания с ответчика процентов, установленных договорами займа, суд первой инстанции, с которым согласился суд кассационной инстанции, исходил из того, что заочным решением районного суда от 17 августа 2007 г. договорные отношения между сторонами прекращены, а факт неисполнения заочного решения суда не может свидетельствовать о продолжении действия данных договоров.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение районного суда от 9 октября 2009 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 24 ноября 2009 г. в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о взыскании с А. процентов, установленных договорами займа, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 307 ГК РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями (ст. 309 ГК РФ).

Надлежащее исполнение прекращает обязательство (п. 1 ст. 408 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Пунктом 1 ст. 809 ГК РФ определено, что, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором. При отсутствии в договоре условия о раз-

мере процентов их размер определяется существующей в месте жительства займодавца, а если займодавцем является юридическое лицо, в месте его нахождения ставкой банковского процента (ставкой рефинансирования) на день уплаты заемщиком суммы долга или его соответствующей части.

В силу п. 3 ст. 810 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором займа, сумма займа считается возвращенной в момент передачи ее займодавцу или зачисления соответствующих денежных средств на его банковский счет.

Исходя из вышеперечисленных правовых норм в случае вынесения судом решения о взыскании основного долга и процентов по договору займа данный договор будет считаться исполненным в момент возврата денежных средств или поступления денежных средств на счет займодавца.

Следовательно, в случае неисполнения решения суда указанный договор нельзя считать исполненным, а обязательство по выплате указанных сумм – прекращенным.

Вместе с тем глава 26 ГК РФ, устанавливающая основания прекращения обязательств, не включает в число таких оснований сам по себе факт вынесения судебного решения о взыскании денежных сумм.

Таким образом, если решение суда не исполняется, то займодавец вправе обратиться в суд с требованием о взыскании с должника процентов на сумму займа, предусмотренную договором, начиная со дня, по который решением суда были взысканы указанные проценты, до дня фактического исполнения решения суда о взыскании полученной заемщиком суммы займа.

В связи с тем, что указанные договоры займа не расторгнуты, соглашение об их расторжении сторонами не заключалось, Е. вправе требовать с А. уплаты установленных договорами процентов за пользование заемными денежными средствами с момента вынесения заочного решения районного суда от 17 августа 2007 г. до дня его фактического исполнения.

При таких обстоятельствах у судебных инстанций отсутствовали правовые основания для отказа в удовлетворении искового заявления Е. в части требований о взыскании с ответчика процентов, установленных договорами займа.

4. Заключение предварительного договора порождает у договаривающихся сторон обязанность заключить основной договор на условиях, оговоренных предварительным соглашением.

М. обратился в суд с иском к Р. о понуждении к заключению договора купли-продажи жилого помещения, ссылаясь на то, что 12 марта 2009 г. между ним и ответчиком подписан предварительный договор о заключении в срок до 15 мая 2009 г. договора купли-продажи принадлежащей ответчику на праве собственности комнаты, стоимость которой определена по соглашению сторон. В адрес ответчика 13 мая 2009 г. направлена телеграмма с уведомлением об исполнении обязательства по предварительному договору от 12 марта 2009 г., которая получена ответчиком 14 мая 2009 г. Однако основной договор купли-продажи заключен не был, ответчик от его заключения уклоняется.

Решением районного суда иск удовлетворен, постановлено обязать ответчика заключить с истцом договор купли-продажи жилого помещения – комнаты в коммунальной квартире на условиях, указанных в предварительном договоре от 12 марта 2009 г.

Определением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение об отказе в иске.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда кассационной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев,

когда обязанность заключить договор предусмотрена указанным Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

Предварительным договором является такое соглашение сторон, которым они устанавливают взаимное обязательство заключить в будущем основной договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг на условиях, предусмотренных предварительным договором (п. 1 ст. 429 ГК РФ).

Заключение предварительного договора не может повлечь перехода права собственности, возникновения обязательства по передаче имущества или оказанию услуги, однако порождает у сторон право и обязанность заключить основной договор.

В силу п. 5 ст. 429 ГК РФ в случаях, когда сторона, заключившая предварительный договор, уклоняется от заключения основного договора, применяются положения, предусмотренные п. 4 ст. 445 данного Кодекса.

Как предусмотрено п. 4 ст. 445 ГК РФ, если сторона, для которой в соответствии с названным Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

Судом было установлено, и не отрицалось самим Р., что от заключения основного договора купли-продажи он уклоняется, между тем ответчиком не оспаривалось, что предварительный договор купли-продажи жилого помещения был им подписан.

Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Поскольку Р. принял на себя обязательство по заключению договора купли-продажи комнаты на оговоренных в предварительном договоре условиях, у него возникла обязанность исполнить его надлежащим образом в соответствии с оговоренными условиями, т.е. в срок до 15 мая 2009 г. заключить с М. договор купли-продажи комнаты.

Нельзя согласиться с выводом суда кассационной инстанции о том, что на основании принципа свободы договора, закрепленного ст. 1 ГК РФ, Р. не может быть принужден к совершению сделки, связанной с отчуждением принадлежащего ему на праве собственности имущества, поскольку у него отсутствует добровольное волеизъявление на заключение основного договора на условиях, определенных в предварительном договоре.

Принцип свободы договора предусматривает предоставление участникам гражданских правоотношений в качестве общего правила возможности по своему усмотрению решать вопрос о вступлении в договорные отношения с другими участниками и определять условия таких отношений, а также заключать договоры, как предусмотренные, так и не предусмотренные законом. Заключив предварительный договор купли-продажи жилого помещения, Р. тем самым выразил свою волю на отчуждение имущества и принял на себя обязательство по заключению основного договора, которое должно быть исполнено в соответствии с положениями ст. 309 ГК РФ.

Из материалов дела видно, что, возражая против заявленных требований, Р. ссылаясь на то, что, подписывая предварительное соглашение, он не был согласен с условиями договора.

Между тем требование о признании недействительным предварительного договора купли-продажи жилого помещения от 12 марта 2009 г. в установленном законом порядке Р. не заявлялись. Обстоятельства, связанные с порочностью волеизъявления Р. при заключении предварительного договора, не были установлены ни судом первой инстанции, ни судом кассационной инстанции.

При таких обстоятельствах у суда кассационной инстанции не имелось предусмотренных законом оснований для отмены решения суда первой инстанции и принятия нового решения.

Определение N 46-B10—20

Определение N 58-B10—7

Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из жилищных правоотношений

5. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, по окончании обучения в учреждениях среднего профессионального образования обеспечиваются вне очереди благоустроенными жилыми помещениями, которые должны им предоставляться по договорам социального найма.

С. обратилась в суд с иском к администрации города о предоставлении благоустроенного жилого помещения в виде отдельной однокомнатной квартиры с последующим заключением договора социального найма общей площадью на одного человека не менее нормы предоставления.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и вынесла новое решение об удовлетворении исковых требований, указав следующее.

Как установлено судом, истица 1988 года рождения является сиротой: ее мать умерла в 1991 году, а отец был лишен родительских прав в 1993 году. В период с 1991 по 2006 год (достижение совершеннолетия) С. находилась под опекой своих родственников.

Постановлением главы администрации города от 11 июля 2006 г. истица поставлена на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении в список общей очереди и в льготный список (внеочередное получения жилья). Постановлением от 29 марта 2007 г. истце, как очереднику из числа детей-сирот, имеющих право на внеочередное предоставление жилого помещения, предоставлена комната жилой площадью 12,6 кв. м в доме маневренного жилищного фонда, на пользование которой с ней заключен договор найма. Какого-либо другого жилого помещения, кроме названной комнаты, С. не имеет.

Судом также установлено, что С. является студенткой четвертого курса государственного университета, зачислена на полное государственное обеспечение.

Разрешая спор и отказывая С. в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что ее право на предоставление жилого помещения ответчиком не нарушено, поскольку не наступил срок исполнения обязательства и на момент рассмотрения дела она не лишена социальной защиты со стороны государства. При этом суд руководствовался ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», которой предусмотрено, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также дети, находящиеся под опекой (попечительством), не имеющие закрепленного жилого помещения, после окончания пребывания в образовательном учреждении или учреждении социального обслуживания, а также в учреждениях всех видов профессионального образования, либо по окончании службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, либо после возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, обеспечиваются органами исполнительной власти по месту жительства вне очереди жилой площадью не ниже установленных социальных норм.

С учетом положений приведенной нормы и того обстоятельства, что истица обучается в государственном университете, срок обучения в котором у нее заканчивается 1 сентября 2011 года, суд пришел к выводу о том, что право на предоставление жилого помещения

у истицы, как лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, возникает после окончания ее пребывания в учреждении высшего профессионального образования. В связи с этим суд признал требование С. о понуждении ответчика предоставить ей благоустроенное жилое помещение по договору социального найма преждевременным.

Суд кассационной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что ответчиком не нарушены обязательства по предоставлению С. жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что с такими выводами судебных инстанций согласиться нельзя, поскольку они сделаны с нарушением норм материального права и не основаны на обстоятельствах дела, установленных судом первой инстанции.

Так, при вынесении решения судом не принято во внимание, что 26 июня 2006 г. истица окончила колледж и 3 июля 2006 г. получила диплом, то есть закончилось ее пребывание в учреждении профессионального образования и, следовательно, возникло право на обеспечение жилым помещением в соответствии положениями ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Кроме того, судом не дана надлежащая правовая оценка основаниям заявленных истицей С. требований. Между тем в обоснование иска она ссылалась не только на нормы ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ, но и на нормы п. 2 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по окончании их пребывания в образовательных и иных учреждениях, в том числе в учреждениях социального обслуживания, в приемных семьях, детских домах семейного типа, при прекращении опеки (попечительства), а также по окончании службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или по возвращении из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

В силу приведенной нормы Жилищного кодекса Российской Федерации основаниями возникновения права на внеочередное предоставление жилого помещения по договору социального найма у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в жилых помещениях, являются перечисленные в ней юридические факты, каждый из которых имеет самостоятельное значение. В частности, к таким юридическим фактам относится прекращение опеки (попечительства) над лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Следовательно, у С., как нуждающейся в жилом помещении, после прекращения над ней попечительства, то есть еще в 2006 году (после окончания колледжа), возникло в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ право на внеочередное предоставление жилого помещения по договору социального найма. И, как имеющая право на внеочередное получение жилого помещения, по постановлению главы местной администрации она была поставлена в июле 2006 года в льготную очередь на получение жилья. Однако полагающееся по закону жилое помещение по договору социального найма ей так и не было предоставлено.

Определение N 29-B10—12

Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных правоотношений

6. Лица, награжденные ведомственным знаком отличия за достижения в труде «Победитель социалистического соревнования», при наличии необходимого трудового стажа имеют право на присвоение звания «Ветеран труда».

С. обратилась в суд с иском к органу социальной защиты населения об обязанности выдать удостоверение «Ветеран труда», в обоснование которого ссылалась на то, что в период работы в МПО «Красный богатырь» она была награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1980 года», в связи с чем у нее имеются все основания, в том числе и необходимый трудовой стаж, для присвоения звания «Ветеран труда», однако в этом ей было необоснованно отказано органами социального обеспечения, что послужило основанием для обращения в суд.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам городского суда, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления и приняла по делу новое решение, которым исковые требования удовлетворила, обязав орган социальной защиты населения выдать С. удостоверение «Ветеран труда», указав следующее.

Принимая решение об отказе в удовлетворении требований о присвоении звания «Ветеран труда», суды первой и кассационной инстанций, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 января 1995 г. N 5-ФЗ «О ветеранах», Положением о порядке и условиях присвоения звания «Ветеран труда» лицам, имеющим место жительства в г. Москве, утвержденным постановлением правительства Москвы от 27 июня 2006 г. N 443-ПП «О присвоении звания «Ветеран труда», пришли к выводу о том, что представленное истицей удостоверение к знаку «Победитель социалистического соревнования 1980 года» заверено печатью профкома МПО «Красный богатырь», а награждение производилось на основании совместного приказа, подписанного генеральным директором объединения и председателем профсоюзного комитета объединения. При этом выписки из приказа или решения коллегии министерства о награждении С. решением органа государственной власти не представлено. В соответствии с Федеральным законом «О ветеранах» награды предприятий и организаций не являются достаточным основанием для присвоения звания «Ветеран труда».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенные выводы судов первой и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм законодательства, которыми регулировался порядок награждения ведомственными знаками отличия в труде.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О ветеранах» ветеранами труда являются лица, награжденные орденами или медалями, либо удостоенные почетных званий СССР или Российской Федерации, либо награжденные ведомственными знаками отличия в труде и имеющие трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по старости или за выслугу лет.

Судом установлено, что 24 августа 2008 г. истица обратилась в орган социальной защиты населения с заявлением о выдаче ей удостоверения «Ветеран труда». При этом она представила документы, подтверждающие необходимый трудовой стаж для присвоения звания «Ветеран труда», и удостоверение к знаку «Победитель социалистического соревнования 1980 года», которым она была награждена на основании совместного приказа-постановления от 2 июня 1981 г. МПО «Красный богатырь» и профсоюзного комитета данного объединения.

Из представленной в материалах дела справки Главного архивного управления г. Москвы усматривается, что истица как передовик производства МПО «Красный богатырь» была

награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1980 года» за достигнутые высокие трудовые показатели.

Согласно п. 2 Положения о едином общесоюзном знаке «Победитель социалистического соревнования» 1977 года и последующих годов десятой пятилетки, утвержденного постановлением Президиума ВЦСПС от 8 апреля 1977 г., награждение знаком «Победитель социалистического соревнования» от имени министерства (ведомства) и Центрального комитета профсоюзов производится совместным решением администрации или правления колхоза и профсоюзного комитета объединения, предприятия, стройки, колхоза, совхоза, организации, учреждения как по результатам работы за соответствующий год, так и в течение этого года – за досрочное выполнение годового задания и социалистических обязательств.

Таким образом, в вышеуказанный период времени награждение знаком «Победитель социалистического соревнования» от имени министерства (ведомства) было предоставлено в том числе администрации и профсоюзному комитету предприятия, в связи с чем вывод суда о том, что С. не была в установленном порядке награждена нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования 1980 года», признан неправомерным.

7. У индивидуального предпринимателя, использующего труд наемных работников и уплачивающего за них страховые взносы, право на получение страховых выплат в случае его временной нетрудоспособности возникает только тогда, когда он добровольно вступает в отношения по социальному страхованию при условии оплаты за себя страховых взносов.

М., являясь индивидуальным предпринимателем, обратился в суд с заявлением о признании незаконным заключения регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации об обязанности ответчика признать несчастный случай страховым и выплатить страховое обеспечение.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда кассационной инстанции, заявление М. удовлетворено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных М. требований по следующим основаниям.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении заявления, суд исходил из того, что в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» М. является стороной по договору социального страхования от несчастных случаев на производстве, так как наряду со своим работником он выполнял трудовые функции, на основании чего имеет право на получение страховых выплат в связи с несчастным случаем на производстве. При этом суд указал, что М. не требуется самостоятельного добровольного вступления в отношения по страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с отделением Фонда социального страхования, поскольку указанный Федеральный закон не содержит такого требования. Самостоятельное добровольное заключение договора страхования предусмотрено только для индивидуальных предпринимателей, не использующих труд наемных работников.

Между тем согласно ст. 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» страхователем является юридическое лицо любой организационно-правовой формы (в том числе иностранная организация, осуществляющая свою деятельность на территории Российской Федерации и нанимающая граждан Российской Федерации) либо физическое лицо, нанимающее лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с п. 1 ст. 5 названного Федерального закона. Данный пункт предусматривает, что обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных забо-

леваний подлежат в том числе физические лица, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), заключенного страхователем.

Согласно извещению регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации, М. на основании заявления был зарегистрирован в качестве страхователя – физического лица, заключившего трудовой договор от 22 июня 2009 г. Следовательно, в силу ст. 6 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ М. с момента регистрации является страхователем, а его работник – застрахованным.

В соответствии с ч. ч. 3 и 4 ст. 3 Федерального закона от 31 декабря 2002 г. N 190-ФЗ «Об обеспечении пособиями по обязательному социальному страхованию граждан, работающих в организациях и у индивидуальных предпринимателей, применяющих специальные налоговые режимы, и некоторых других категорий граждан» (действовавшего на момент возникновения спорных отношений) адвокаты, индивидуальные предприниматели, физические лица, не признаваемые индивидуальными предпринимателями, родовые, семейные общины малочисленных народов Севера вправе добровольно вступать в отношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, осуществляя за себя уплату страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации по тарифу в размере 3,5 процента налоговой базы, определяемой в соответствии с главой 24 части второй Налогового кодекса Российской Федерации для соответствующих категорий плательщиков и в порядке, установленном частью четвертой указанной статьи.

Порядок уплаты страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации в соответствии с основаниями, установленными в названном Федеральном законе, определяется Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2003 г. N 144 (действовавшим на момент возникновения спорных отношений) утвержден «Порядок добровольной уплаты в Фонд социального страхования Российской Федерации отдельными категориями страхователей страховых взносов на обязательное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» которым предусмотрено, что индивидуальные предприниматели путем подачи соответствующего заявления могут добровольно вступить в отношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством с Фондом социального страхования Российской Федерации и выплачивать за себя страховые взносы. При этом выплата пособий по обязательному социальному страхованию начинается осуществляться при условии уплаты ими в течение шести месяцев страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации.

Таким образом, индивидуальным предпринимателям, добровольно вступившим в отношения по обязательному социальному страхованию и уплачивающим страховые взносы, выплачиваются пособия по обязательному социальному страхованию в случае временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Как видно из дела, данных о том, что М. подавал в отношении себя как индивидуального предпринимателя заявление о добровольном вступлении в отношения по обязательному страхованию в отделение Фонда социального страхования Российской Федерации, не имеется. М. не является застрахованным по обязательному социальному страхованию.

Между тем право на получение обеспечения по страхованию в порядке и на условиях, установленных Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ, имеют лица, застрахованные в Фонде социального страхования Российской Федерации, в связи с чем вывод суда о том, что обязательное социальное страхование работника предусматривает страхование и самого индивидуального предпринимателя, противоречит требованиям названного Федерального закона.

Учитывая, что нормы действующего законодательства не предусматривают возможность назначения и выплаты индивидуальным предпринимателям сумм возмещения вреда здоровью

при несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях, у Фонда социального страхования правовых оснований для выплаты М. страховых сумм в связи с несчастным случаем на производстве не имеется.

Определение N 5-B10—90

Определение N 20-B10—8

Процессуальные вопросы

8. Если в процессе рассмотрения дела судья установит, что заявленное требование содержит несколько связанных между собой требований, часть из которых подведомственна арбитражному суду, ему необходимо разрешить вопрос о возможности разделения заявленных требований и рассмотрения их в той части, которая подведомственна суду общей юрисдикции.

Споры между физическими лицами, не являющимися участниками хозяйственного общества, и обществом подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Прекращая производство по делу по иску М. к ОАО «Макси-Групп», ЗАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод», ЗАО «Уральский завод прецизионных сплавов», ОАО «Металлургический холдинг» о взыскании суммы неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами и по встречному иску ОАО «Макси-Групп» к М. о применении последствий недействительности договора займа, взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 220 ГПК РФ, суд первой инстанции исходил из того, что спор между истцом и ответчиками как по первоначальному иску, так и по встречному исковому заявлению является спором между акционером и акционерным обществом, вытекающим из деятельности общества, носит экономический характер, подведомственный арбитражному суду.

Судебная коллегия по гражданским делам областного суда согласилась с выводом суда первой инстанции, указав, что сторонами заявлены требования о применении последствий недействительности сделки, признанной недействительной постановлением арбитражного суда от 8 июля 2009 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают, в частности, исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Согласно части третьей указанной статьи, суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные в том числе частью первой этой статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов.

Статьей 27 АПК РФ установлено, что арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии со ст. 28 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке искового производства возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотрен-

ных указанным Кодексом и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (в редакции от 3 декабря 2008 г., действовавшей на момент предъявления первоначального иска) арбитражные суды рассматривали дела по спорам между акционером и акционерным обществом, участниками иных хозяйственных товариществ и обществ, вытекающим из деятельности хозяйственных товариществ и обществ, за исключением трудовых споров.

Федеральным законом от 19 июля 2009 г. N 205-ФЗ АПК РФ был дополнен, в частности, главой 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам», п. 3 ст. 225.1 которой предусматривает, что арбитражные суды рассматривают дела по искам учредителей, участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок.

По смыслу приведенных норм, споры между физическими лицами, не являющимися участниками хозяйственного общества, и обществом подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции.

В заседании суда надзорной инстанции представитель М. утверждал, что последний не является участником ЗАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод», ЗАО «Уральский завод прецизионных сплавов», ОАО «Металлургический холдинг».

В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Согласно ч. 4 ст. 22 ГПК РФ при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подведомственны суду общей юрисдикции, другие – арбитражному суду, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции.

В случае, если возможно разделение требований, судья выносит определение о принятии требований, подведомственных суду общей юрисдикции, и об отказе в принятии требований, подведомственных арбитражному суду.

В силу абзаца второго ст. 220 ГПК Российской Федерации суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 данного Кодекса.

Таким образом, если в процессе рассмотрения дела будет установлено, что заявленное требование в части подведомственно арбитражному суду, суду общей юрисдикции необходимо разрешить вопрос о возможности разделения заявленных требований и рассмотрения их в той части, которая подведомственна суду общей юрисдикции.

Это не было учтено судами при рассмотрении дела.

Из материалов дела следует, что суд первой инстанции, прекращая производство по делу, исходил из того, что иски о признании сделки недействительной, включая применение последствий недействительности сделки, подлежат рассмотрению в арбитражных судах.

Однако при этом суд в нарушение требований ч. 4 ст. 22, ч. 2 ст. 56 ГПК РФ не исследовал вопрос о возможности рассмотрения требований М. к поручителям ЗАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод», ЗАО «Уральский завод прецизионных сплавов», ОАО «Металлургический холдинг» отдельно от рассмотрения требований к основному должнику – ОАО «Макси-Групп».

Судебная коллегия по гражданским делам областного суда, оценивая довод представителя М. о необоснованном прекращении производства по делу в части, касающейся требований, заявленных к поручителям, указала лишь на то, что договоры поручительства являются

дополнительными обязательствами, обеспечивающими исполнение договора займа, признанного недействительным решением арбитражного суда от 8 июля 2009 г.

Между тем это обстоятельство само по себе, вне оценки субъектного состава возникших правоотношений между М. и поручителями в лице ЗАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод», ЗАО «Уральский завод прецизионных сплавов», ОАО «Металлургический холдинг», не может служить основанием для прекращения дела и свидетельствовать о его неподведомственности суду общей юрисдикции.

9. Суд кассационной инстанции не вправе уточнять мотивировочную и резолютивную части решения суда первой инстанции, оставляя при этом решение суда без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения.

К. обратилась в суд с иском к Минфину России о взыскании денежной компенсации морального вреда, причиненного незаконным осуждением.

Решением районного суда с Минфина России за счет средств казны Российской Федерации в пользу К. в счет компенсации морального вреда взыскано 300 000 рублей.

Определением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения с уточнением в части размера компенсации морального вреда – взысканная сумма снижена до 100 000 рублей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда и направила дело на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

Основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ст. 387 ГПК РФ).

При рассмотрении данного дела такого характера существенное нарушение норм процессуального права было допущено судом кассационной инстанции.

Полномочия суда кассационной инстанции при рассмотрении кассационных жалоб, представления определены ст. 361 ГПК РФ. Перечень этих оснований является исчерпывающим.

Обжалуемым определением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения с уточнением резолютивной части решения: размер компенсации морального вреда снижен с 300 000 до 100 000 рублей.

Между тем такого полномочия суда кассационной инстанции, как уточнение решения суда первой инстанции ст. 361 ГПК РФ не содержит.

Несмотря на то что в резолютивной части кассационного определения содержится указание об оставлении решения суда без изменения, суд кассационной инстанции фактически изменил не только резолютивную часть решения суда первой инстанции, касающуюся размера суммы компенсации морального вреда К., но и его мотивировочную часть, в которой обосновал снижение названной суммы (кассационная инстанция дала иную оценку обстоятельствам, положенным в основу решения суда первой инстанции, вследствие чего уменьшила сумму взысканной в пользу К. компенсации морального вреда в три раза).

Однако из содержания ст. 361 ГПК РФ следует, что оставление судом кассационной инстанции решения суда первой инстанции без изменения не предполагает изменение мотивировочной части решения и его резолютивной части.

Вследствие нарушения норм процессуального права определение суда кассационной инстанции содержит взаимоисключающие положения.

Так, в мотивировочной части определения суда кассационной инстанции содержится ссылка на то, что выводы суда первой инстанции соответствуют обстоятельствам дела и пред-

ставленным доказательствам, которым дана оценка на основании ст. 67 ГПК РФ. В то же время в определении суда кассационной инстанции отмечается, что доводы кассационной жалобы Минфина России и кассационной жалобы прокурора заслуживают внимания.

Кроме того, как видно из резолютивной части определения суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции оставлено без изменения и в то же время в определении указано, что кассационная жалоба Минфина России и кассационная жалоба прокурора подлежат удовлетворению.

Таким образом, с одной стороны, решение суда первой инстанции оставлено судом кассационной инстанции без изменения (как мотивировочная, так и резолютивная часть), а с другой – решение суда первой инстанции фактически изменено как по существу, так и по размеру удовлетворенных исковых требований о компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что само по себе снижение судом кассационной инстанции размера взысканной с ответчика денежной компенсации морального вреда в несколько раз и иная оценка обстоятельств дела являются не чем иным, как изменением по существу решения суда первой инстанции.

10. Вступление в законную силу решения суда о ликвидации организации не лишает права ее уполномоченного представителя, принимавшего участие в рассмотрении дела о ликвидации этой организации, на обращение в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам указанного решения суда.

Решением областного суда от 11 сентября 2009 г., оставленным без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2009 г., местная религиозная организация ликвидирована.

Представитель местной религиозной организации Ш. обратился в областной суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам названного решения суда.

Определением судьи областного суда от 16 июля 2010 г. заявление Ш. возвращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, как поданное лицом, не имеющим полномочий на его предъявление.

Возвращая заявление Ш. о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения суда от 11 сентября 2009 г., суд первой инстанции исходил из того, что Ш. не обладает полномочиями на обращение в суд с данным заявлением, поскольку организация, которую он представлял, ликвидирована, решение суда исполнено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение судьи областного суда от 16 июля 2010 г., вопрос направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46).

В силу ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации права и свободы, предусмотренные ст. 46 Конституции Российской Федерации, ограничению не подлежат.

В соответствии с ч. 1 ст. 392 ГПК РФ решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам.

Статьей 394 ГПК РФ определено, что заявление, представление о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции подаются сторонами, прокурором, другими лицами, участвующими в деле, в суд, принявший решение, определение или постановление.

Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам является способом проверки судебных постановлений, направленным на защиту нарушенных прав лиц, участвующих в деле, и на исправление допущенных судами общей юрисдикции ошибок при

разрешении гражданских дел в целях реализации дополнительных гарантий эффективного восстановления прав граждан посредством правосудия. Право на пересмотр судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам является составной частью конституционного права на судебную защиту, в связи с чем не подлежит ограничению.

Следовательно, само по себе обстоятельство ликвидации религиозной организации не означает отсутствие права на обращение руководителей и представителей, принимавших участие в рассмотрении дела о ликвидации данной организации в судах первой и кассационной инстанций, с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу решения суда о ликвидации.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о том, что представитель местной религиозной организации не обладает полномочиями на подачу заявления о пересмотре названного решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам и на участие в рассмотрении данного вопроса, является неправильным.

Кроме того, в главе 42 ГПК РФ не предусмотрена возможность отказа в принятии и возвращения заявлений о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Определение N 45-В10—18

Определение N 67-В10—6

Определение N 41-Г10—55

Вопросы уплаты государственной пошлины

11. Органы внутренних дел освобождены от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные истцом требования, суд первой инстанции постановил в том числе и о взыскании с ответчика – УВД государственной пошлины в доход местного бюджета.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованным довод кассационной жалобы о незаконности взыскания с УВД государственной пошлины и отменила в указанной части решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ (в редакции от 27 декабря 2009 г.) от уплаты государственной пошлины освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, а также мировыми судьями, в качестве истцов или ответчиков.

Названная льгота по уплате государственной пошлины по признаку субъектного состава является специальной нормой для всех случаев, когда государственные органы, органы местного самоуправления выступают по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, как в качестве истцов, так и в качестве ответчиков, и не поставлена в зависимость от категории рассматриваемого спора.

Таким образом, на УВД как на государственный орган исполнительной власти в полной мере распространяется установленная подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ льгота по уплате государственной пошлины.

12. Физическое лицо, являющееся уполномоченным представителем юридического лица, вправе самостоятельно уплатить государственную пошлину при обращении в суд с жалобой, поданной от имени юридического лица.

ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»» подало кассационную жалобу на решение городского суда от 16 ноября 2009 г., которым удовлетворен иск Б. к ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»» о возложении обязанности по предоставлению жилого помещения.

Определением городского суда от 4 декабря 2009 г. кассационная жалоба оставлена без движения в связи с неуплатой государственной пошлины. Срок для исправления недостатков предоставлен до 10 декабря 2009 г.

9 декабря 2009 г. председателем ликвидационной комиссии ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»» М. недостатки кассационной жалобы устранены (уплачена государственная пошлина).

Определением городского суда от 11 декабря 2009 г., оставленным без изменения определением краевого суда от 18 февраля 2010 г., кассационная жалоба возвращена без рассмотрения на основании ч. 1 ст. 342 ГПК РФ.

Возвращая кассационную жалобу, суд указал, что не устранены недостатки, указанные в определении суда от 4 декабря 2009 г. Представленная квитанция об уплате госпошлины оплачена физическим лицом – М. Уплата госпошлины физическим лицом за юридическое лицо не может рассматриваться в качестве надлежащей уплаты государственной пошлины.

Между тем порядок уплаты госпошлины определен ст. 333.18 НК РФ. Государственная пошлина уплачивается по месту совершения юридически значимого действия в наличной или безналичной форме. При этом плательщиками госпошлины являются организации и физические лица (п. 1 ст. 333.17 НК РФ). Действия законных представителей организации, совершенные в связи с участием этой организации в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, признаются действиями этой организации.

В соответствии со ст. 27 НК РФ законными представителями налогоплательщика-организации признаются лица, уполномоченные представлять ее на основании закона или ее учредительных документов. Согласно ст. 69 Закона N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» руководство текущей деятельностью общества осуществляет единоличный исполнительный орган (директор), который без доверенности действует от имени общества.

ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»» с 2 октября 2009 г. находится в стадии ликвидации, полномочия по управлению делами общества в соответствии с законом с момента назначения ликвидационной комиссии переходят к ней.

Судом не было принято во внимание то обстоятельство, что госпошлина уплачена не физическим лицом, а законным представителем ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»» – председателем ликвидационной комиссии М.

Из материалов дела видно, что в чеке-ордере в графе «Основание платежа» было указано: госпошлина за ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»», были указаны также ИНН и адрес юридического лица, в связи с чем у суда первой инстанции не имелось оснований для возвращения кассационной жалобы ЗАО «Компания «Чайковский текстиль»».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение городского суда от 11 декабря 2009 г. и определение краевого суда от 18 февраля 2010 г. и дело направила в суд первой инстанции.

13. В целях обеспечения доступа к правосудию с учетом материального положения заявителя суд разрешил вопрос об освобождении его от уплаты государственной пошлины при обращении в суд.

Л. обратился в областной суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Одновременно Л. подал ходатайство об освобождении его от уплаты государственной пошлины ввиду отсутствия денежных средств на уплату государственной пошлины в связи с отбыванием наказания в местах лишения свободы.

Определением судьи областного суда Л. в удовлетворении ходатайства отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указанное определение судьи отменила, разрешив вопрос по существу с вынесением нового определения об удовлетворении ходатайства Л.

Согласно ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» при подаче заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок уплачивается государственная пошлина в порядке и размерах, которые установлены законодательством о налогах и сборах.

Согласно подп. 15 п. 1 ст. 333.19 НК РФ при подаче заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок физическими лицами уплачивается государственная пошлина в размере 200 рублей.

Принимая решение об освобождении Л. от уплаты государственной пошлины, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что он осужден к наказанию в виде лишения свободы и находится в учреждении уголовно-исполнительной системы, не трудоустроен и не имеет денежных средств на лицевом счете. На этом основании с учетом имущественного положения заявителя в целях обеспечения ему доступа к правосудию Л. был освобожден от уплаты государственной пошлины при подаче в суд заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Определение N 57-Г10—22с

Определение N 44-В10—7

Определение N 9-Г10—62

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Вступившее в законную силу решение суда о признании положения нормативного правового акта противоречащим федеральному законодательству и недействующим является основанием для прекращения начатого производства по делу по заявлению об оспаривании этого же положения нормативного правового акта.

У. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать п. 13 Порядка учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей (далее – Порядок), утвержденного приказом Министерства финансов Российской Федерации и Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 13 августа 2002 г. N 86н/БГ-3-04/430, противоречащим ст. 273 НК РФ и недействующим с момента его принятия.

Решением Верховного Суда Российской Федерации в удовлетворении заявления У. отказано.

Определением Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации решение отменено, производство по делу прекращено по следующим основаниям.

В силу ст. 248 ГПК РФ суд прекращает производство по делу, возникшему из публичных правоотношений, если имеется решение суда, принятое по заявлению о том же предмете и вступившее в законную силу.

Решением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по заявлению индивидуального предпринимателя п. 13 Порядка признан не соответствующим Налоговому кодексу Российской Федерации и недействующим.

Учитывая, что на время разрешения дела по заявлению У. в Верховном Суде Российской Федерации законность оспариваемого им п. 13 Порядка уже была проверена Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и вступившим в законную силу решением данного суда этот пункт нормативного правового акта признан недействующим, Верховный Суд Российской Федерации не вправе был принимать решение по делу.

2. Кассационная жалоба считается поданной в день первоначального поступления в суд после устранения недостатков, послуживших основанием для оставления ее без движения, в установленный судом срок.

С. обратился в краевой суд с заявлением о признании неправомочной Думы муниципального образования «Городской округ – город Кудымкар» IV созыва и назначении досрочных выборов депутатов городской Думы V созыва.

Решением краевого суда в удовлетворении заявления С. отказано.

Кассационная жалоба, поданная заявителем на решение суда, определением судьи возвращена ему в связи с пропуском срока обжалования и отсутствием просьбы о восстановлении этого срока.

В частной жалобе С. просит отменить судебное определение и принять к рассмотрению его кассационную жалобу на решение краевого суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемое судебное определение по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что на решение краевого суда в установленный законом срок подана кассационная жалоба представителем заявителя Ч.

Определением судьи кассационная жалоба оставлена без движения в связи с тем, что к ней не приложена доверенность на право совершения от имени представляемого процессуальных действий по обжалованию решения суда и уплате государственной пошлины, а также

не представлены доказательства, подтверждающие уплату государственной пошлины за счет денежных средств С.

В пределах установленного судом срока для исправления недостатков кассационной жалобы С. была подана кассационная жалоба на решение краевого суда и им же уплачена государственная пошлина, что следует из имеющейся в деле квитанции.

В соответствии со ст. 336 ГПК РФ кассационная жалоба на решение суда может быть подана как сторонами, так и другими лицами, участвующими в деле.

Поскольку представитель Ч., подавая кассационную жалобу, действовал в интересах С., подача представляемым кассационной жалобы в срок, установленный определением суда, не может свидетельствовать о пропуске срока на кассационное обжалование.

Данные обстоятельства являются основанием для отмены судебного определения о возвращении кассационной жалобы С.

3. Определение судьи об отказе в принятии искового заявления, вступившее в законную силу, может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам.

Р. обратился в областной суд с исковым заявлением к этому суду и Минфину России о признании незаконными действий областного суда, о компенсации вреда, причиненного незаконными действиями областного суда, о вынесении частного определения.

Определением судьи областного суда, оставленным без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, Р. отказано в принятии заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Р. обратился в областной суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения судьи областного суда, ссылаясь на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. N 1102-О-О, вынесенного по его заявлению.

Определением судьи областного суда отказано в принятии заявления Р. о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения судьи областного суда.

В частной жалобе Р. просит отменить определение судьи областного суда, которым отказано в принятии его заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам судебного определения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемое судебное определение и направила материал в суд первой инстанции для рассмотрения заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения судьи областного суда по следующим основаниям.

Отказывая в принятии заявления Р. о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения судьи областного суда, судья исходил из того, что объектом пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам могут быть лишь судебные постановления, которыми дело завершено, по существу.

Данный вывод судьи не учитывает положение ч. 1 ст. 392 ГПК РФ, согласно которому решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам.

Основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступивших в законную силу, изложены в ч. 2 ст. 392 ГПК РФ.

Таким образом, федеральное законодательство предусматривает возможность обжалования определений суда, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам и не ограничивает возможность обжалования лишь теми судебными постановлениями, которыми дело разрешено, по существу.

Определение N КАС10—707

Определение N 44-Г10—60

Определение N 29-Г10—5

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. Вправе ли государственный инспектор труда принять решение о восстановлении работника на работе, об отмене дисциплинарного взыскания? Если вправе, то подлежит ли применению судом срок, установленный ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса Российской Федерации, при рассмотрении дела об оспаривании такого решения государственного инспектора труда?

Ответ. Согласно ч. 1 и ч. 3 ст. 192 ТК РФ к дисциплинарным взысканиям, в частности, относится увольнение работника. Работник имеет возможность обжалования дисциплинарного взыскания в государственную инспекцию труда и (или) в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров (ч. 7 ст. 193 ТК РФ).

Положения ст. 83 ТК РФ предусматривают следующие основания прекращения трудового договора:

- восстановление на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, по решению государственной инспекции труда или суда (п. 2 ч. 1 ст. 83 ТК РФ);
- отмена решения суда или отмена (признание незаконным) решения государственной инспекции труда о восстановлении работника на работе (п. 11 ч. 1 ст. 83 ТК РФ).

Исходя из приведенных положений ч. 1 ст. 83 ТК РФ и учитывая полномочия государственной инспекции труда, установленные абзацем вторым ст. 356 и абзацем шестым ст. 357 ТК РФ, можно сделать вывод о том, что государственный инспектор труда вправе устранить нарушения, допущенные в отношении работника, в том числе и при его увольнении, присущим данному органу административно-правовым способом – посредством вынесения обязательного для работодателя предписания об отмене приказа работодателя о применении к работнику дисциплинарного взыскания или приказа об увольнении работника.

Вынесенное государственным инспектором труда в адрес работодателя предписание об отмене приказа об увольнении работника может быть обжаловано работодателем в суд (ст. 361 ТК РФ).

Независимо от способа инициирования работодателем дела об оспаривании данного предписания в суде суд при рассмотрении такого дела проверяет законность увольнения работника, которого привлекают к участию в деле.

Срок обращения самого работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора, согласно ч. 1 ст. 392 ТК РФ, составляет по спорам об увольнении один месяц.

Поэтому в случае возбуждения в суде дела об оспаривании предписания об отмене приказа об увольнении работника за пределами указанного срока работодатель вправе заявить о применении последствий пропуска работником срока, установленного ч. 1 ст. 392 ТК РФ. Данный вопрос решается судом в каждом конкретном случае исходя из уважительности причин пропуска работником этого срока.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

В связи с обращением Уполномоченного по правам человека Российской Федерации В. П. Лукина, затрагивающего вопросы надлежащего извещения участников гражданского судопроизводства о времени и месте рассмотрения дела в суде, внимание судей необходимо обратить на следующее.

В ч. 1 ст. 113 ГПК РФ перечислены формы судебных извещений и вызовов. Согласно данной норме лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания

заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату. Согласно части четвертой указанной статьи судебное извещение, адресованное лицу, участвующему в деле, направляется по адресу, указанному им или его представителем.

Названная статья, предусматривая достаточно широкий круг средств, которые могут быть использованы для извещения участников гражданского судопроизводства, содержит общее для всех форм извещения требование – фиксирование факта получения сообщения адресатом, позволяющее удостовериться в его надлежащем извещении.

Как следует из п. 37 совместного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. N 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», при оценке действий суда (судьи) исследованию подлежат вопросы, связанные с осуществлением судьей контроля за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей, в том числе по извещению участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания.

Таким образом, независимо от того, какой из способов извещения участников судопроизводства избирается судом, любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

По уголовным делам

1. Совершение осужденными в отношении потерпевшей насильственных действий сексуального характера с последующим ее убийством с целью сокрытия этих действий правильно квалифицированы судом по п. п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ.

По приговору окружного военного суда от 9 сентября 2010 г. П. и К. осуждены за совершение ряда преступлений, а П. и К. в том числе преступлений, предусмотренных п. п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ.

П. и К. признаны виновными в числе прочих преступлений в совершении по предварительному сговору насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей Ш. и ее последующем убийстве с целью воспрепятствовать высказанному потерпевшей намерению сообщить в правоохранительные органы о совершенном ими преступлении.

В кассационных жалобах осужденные П. и К., считая ошибочной квалификацию судом их действий по п. п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ, в результате чего, по их мнению, они за одно и то же деяние наказаны дважды, просили приговор изменить и снизить назначенное наказание.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Военная коллегия приговор оставила без изменения, а кассационные жалобы осужденных без изменения, указав в обоснование следующее.

В суде установлено, что после совершения П. и К. по предварительной договоренности насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей Ш., последняя заявила, что сообщит о совершенном ими преступлении в правоохранительные органы.

В связи с этим осужденные решили убить Ш. Они нанесли ей большое количество ударов руками и ногами по голове, а когда потерпевшая упала и потеряла сознание – поочередно с высоты собственного роста по нескольку раз бросили на голову потерпевшей камень весом около 11 килограмм, отчего Ш. скончалась на месте.

По смыслу закона под убийством, сопряженным с насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанного преступления или с целью его сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этого преступления. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по соответствующей части ст. 132 УК РФ.

При таких данных действия П. и К. квалифицированы правильно.

С учетом изложенного, а также данных о личности осужденных Военная коллегия не нашла оснований и для смягчения им наказания.

Определение по делу N 201-О10—28

По гражданским делам

1. Признание заявителя негодным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности дает ему право, но не обязывает его к досрочному увольнению с военной службы и не лишает его права продолжить военную службу на должности, позволяющей выполнять воинские обязанности, соответствующие состоянию его здоровья.

Решением Северодвинского гарнизонного военного суда от 3 марта 2010 г. заявление К. удовлетворено частично.

Суд признал незаконным приказ командира воинской части в части исключения К. из списков личного состава части, а также его действия, связанные с отказом в увеличении заявителю продолжительности отпуска по личным обстоятельствам на количество суток, необходимых для проезда в отпуск и обратно, и возложил на командира части обязанность восстановить заявителя в списках личного состава воинской части до обеспечения жильем по установленным нормам с последующим исключением из этих списков и предоставить 12 суток отпуска.

В удовлетворении требований об отмене приказа командующего Северным флотом в части увольнения заявителя с военной службы, восстановлении его в прежней должности, отмене приказа командира воинской части в части сдачи дел и должности старшего помощника командира по боевому управлению и производству с 1 декабря 2009 г. дополнительных выплат К. отказано.

Кассационным определением Северного флотского военного суда от 8 апреля 2010 г. решение суда изменено, на командира воинской части возложена обязанность изменить дату прекращения К. производства дополнительных выплат с 30 ноября на 16 декабря 2009 г. и обеспечить за этот период указанными выплатами через довольствующий орган. В остальном решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения.

В надзорной жалобе К. просил судебные постановления о незаконном увольнении с военной службы без обеспечения жильем для постоянного проживания отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что в связи с признанием годным к военной службе с незначительными ограничениями (негодным к военной службе в плавсоставе на подводных лодках) старший помощник командира по боевому управлению подводной лодки К., общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, 11 августа 2009 г. обратился по команде с рапортом об увольнении после обеспечения жильем в городах Щербинке, Королеве или Зеленограде Московской области. В тот же день он подтвердил свой выбор в ходе индивидуальной беседы.

Изложенное указывает на то, что заявитель, признанный негодным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности, поставил свое увольнение в зависимость от получения жилья по избранному месту жительства после увольнения в запас.

Согласно подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы при признании его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями при отсутствии его согласия с назначением на другую воинскую должность (должность).

То есть признание заявителя военно-врачебной комиссией годным к военной службе с незначительными ограничениями дает ему право, но не обязывает его к досрочному увольнению с военной службы и не лишает его права продолжить военную службу на должности, позволяющей выполнять воинские обязанности, соответствующие состоянию его здоровья.

Из этого следует, что, выражая свое несогласие на увольнение до обеспечения жильем, К. свободно выбрал вариант реализации права на жилище путем получения жилого помещения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации в период дальнейшего прохождения военной службы на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья.

При таких данных К. не подлежал досрочному увольнению с военной службы в запас, в связи с чем командующий Северным флотом обязан был обеспечить ему возможность про-

ходить военную службу до получения жилого помещения на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья.

Несмотря на это, приказом командующего Северным флотом К. был досрочно уволен в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления жилья.

Согласно подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

При этом в силу ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

Содержание названных законодательных норм указывает на то, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями может быть реализовано при невозможности дальнейшего прохождения им военной службы и при его согласии на такое увольнение.

Между тем сведений о том, что в период действия заключенного с заявителем контракта командованием рассматривался вопрос о его назначении на равные воинские должности, учитывающие установленные ограничения по состоянию здоровья, в деле не содержится.

Таким образом, вывод суда о законности приказа командующего Северным флотом в части досрочного увольнения К. с военной службы в запас основан на неправильном применении норм материального права, в связи с чем требование заявителя о восстановлении на военной службе подлежит удовлетворению.

Что касается заявления в части восстановления К. в прежней должности старшего помощника командира по боевому управлению подводной лодки до получения жилья с последующим представлением командиром воинской части к увольнению в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями, то его следует признать необоснованным ввиду невозможности заявителем исполнять эту должность по состоянию здоровья.

С учетом изложенного решение суда в части возложения на командира воинской части обязанности по удержанию заявителя в списках личного состава части без назначения на воинские должности с последующим исключением из этих списков после обеспечения его жильем не основано на законе.

Таким образом, К. подлежит восстановлению на военной службе до получения жилого помещения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья, и с учетом положений ч. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Поскольку обстоятельства, имеющие значение для дела, были установлены на основании имеющихся доказательств, Военная коллегия отменила все состоявшиеся судебные постановления в части признания правомерным увольнения заявителя с военной службы без обеспечения жильем и возложения на командира части обязанности по удержанию заявителя в списках личного состава части без назначения на воинские должности до предоставления жилого помещения и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое судебное постановление об удовлетворении заявления К. в вышеуказанной части.

2. Физические лица при подаче частных жалоб на определения судьи освобождаются от уплаты государственной пошлины.

Определением первого заместителя председателя Уральского окружного военного суда от 28 декабря 2010 г. оставлена без движения частная жалоба А. на определение судьи того же суда о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок.

В частной жалобе заявитель просил определение отменить, ссылаясь на его незаконность.

Обсудив доводы частной жалобы, Военная коллегия определение отменила, а материалы производства направила в окружной военный суд со стадии принятия заявления к производству суда, указав следующее.

Из материалов производства усматривается, что А. после поступления к нему определения первого заместителя председателя окружного военного суда о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок обжаловал его в кассационном порядке. Однако частная жалоба на это определение была оставлена без движения ввиду неуплаты заявителем государственной пошлины.

Согласно ч. 1 п. 7 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации физические лица при подаче частных жалоб на определение судьи освобождаются от уплаты государственной пошлины.

Следовательно, требование об оплате государственной пошлины при подаче частной жалобы на определение судьи о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок на законе не основано.

Определение по делу N 210-В11—3

Определение по делу N 204-Г11—3

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Извлечения из постановлений

В постановлении по делу «Бик против России» от 22 апреля 2010 г. Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в связи с незаконным содержанием заявителя в психиатрическом стационаре в отсутствие судебного решения, санкционирующего принудительную госпитализацию.

Обстоятельства дела: как указал Европейский Суд, 29 мая 2002 г. врач-психиатр психоневрологического диспансера обратился в суд за судебным решением, разрешающим произвести оценку психического состояния заявителя без его согласия. 31 мая 2002 г. районный суд санкционировал проведение психиатрического обследования. 5 июня 2002 г. заявитель был госпитализирован в психиатрическую больницу.

7 июня 2002 г. заявитель дал согласие на прохождение лечения в больнице до 14 июня 2002 г. В пятницу 14 июня 2002 г. заявитель отказался от дальнейшего нахождения в больнице.

Придя к выводу о том, что душевное расстройство заявителя является достаточно серьезным и требует стационарного лечения, в понедельник 17 июня 2002 г. администрация больницы обратилась в суд с просьбой продлить срок пребывания заявителя в больнице. В тот же день районный суд вынес определение о продлении срока госпитализации заявителя до окончания рассмотрения дела. 21 июня 2002 г. районный суд санкционировал продление срока пребывания заявителя в больнице.

Позиция Европейского Суда: «...лицо нельзя лишить свободы на основании того, что он страдает от психического расстройства, пока не выполнены три минимально необходимых условия: то, что он душевнобольной, должно быть убедительно доказано; психическое расстройство должно быть такого рода или степени, которые бы оправдывали принудительное ограничение свободы; а срок ограничения свободы должен зависеть от того, как долго лицо пребывает в состоянии такого душевного расстройства...».

Европейский Суд отметил, что «...в соответствии с российским законодательством... администрация больницы обязана была в течение 24 часов после освидетельствования, т.е. не позднее полудня 15 июня 2002 г., обратиться в суд за разрешением на дальнейшее содержание заявителя в больнице. Однако заявление было подано двумя сутками позднее, 17 июня 2002 г. В результате, трое суток заявитель провел в больнице в отсутствие соответствующей судебной санкции».

Относительно доводов о том, что 15 и 16 июня 2002 г. пришлось на выходные дни и дело заявителя было невозможно рассмотреть до начала следующей рабочей недели, Европейский Суд указал, что «в тех случаях, когда на карту поставлена свобода человека, государства обязаны обеспечить функционирование судов даже в праздничные и выходные дни, обеспечить решение срочных вопросов незамедлительно и в полном соответствии с порядком, предписанным законодательством».

В постановлении по делу «Салиев против России» от 21 октября 2010 г. Европейский Суд признал нарушение ст. 10 Конвенции, выразившееся в несоблюдении права Салиева на свободу выражения мнения в связи с изъятием из продажи части тиража газеты, в которой была опубликована статья заявителя.

В 2001 году заявитель написал статью, в которой шла речь о приобретении акций ОАО группой компаний. Заявитель охарактеризовал покупку акций как аферу и заявил, что за этим стоит высокопоставленный чиновник.

2 ноября 2001 г. 2 394 экземпляра выпуска газеты со статьей заявителя были разосланы подписчикам и в государственные библиотеки. Две тысячи экземпляров были переданы компании по распространению печатных изданий для продажи в уличных торговых точках и киосках.

Вскоре часть тиража, размещенная в киосках, была изъята и уничтожена.

Заявитель обратился в суд с исковым заявлением, в котором требовал повторной печати 2 000 экземпляров выпуска газеты, содержащего его статью, и их реализации в уличных киосках. Решением городского суда, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в удовлетворении требований заявителя было отказано.

Позиция Европейского Суда: «...тираж газеты был изъят и уничтожен после принятия статьи редакционной коллегией и после того, как статья была напечатана и стала общедоступной.

Таким образом, статья стала доступной подписчикам, а также читателям в государственных библиотеках. В целях ст. 10 Конвенции, после публикации статьи любое решение, ограничивающее циркуляцию статьи заявителя, следует рассматривать как вмешательство в его свободу выражения, несмотря на тот факт, что данное решение было принято главным редактором газеты».

Европейский Суд пришел к заключению, что «...решение об изъятии тиража было принято ввиду содержания данной статьи. Таким образом, изъятие можно охарактеризовать как „вмешательство“ в право заявителя по ст. 10 Конвенции».

Рассматривая вопрос о том, было ли произведено вмешательство государством или частным лицом, Европейский Суд отметил, что «...газета была учреждена как отдельное юридическое лицо, и, теоретически, ее редакционная коллегия имела определенную степень свободы при решении, что опубликовать... устав газеты провозглашает, что муниципалитет не может обязать газету опубликовать определенный материал (за исключением законодательных актов или официальных уведомлений)».

Однако, учитывая, что «...газета была создана для предоставления общественных услуг (информирование населения об официальных и иных событиях города) в форме „муниципального учреждения“... ее недвижимое имущество и оборудование принадлежали муниципалитету... главный редактор был назначен муниципалитетом, который также выплачивал ему заработную плату... муниципалитет обладал правом формирования издательской политики газеты, по меньшей мере, по „стратегическим“ вопросам», Европейский Суд пришел к выводу, что «...независимость газеты жестко ограничивалась существованием сильных организационных и экономических связей с муниципалитетом, а также ограничениями, сопряженными с использованием ее активов и имущества».

«Принимая во внимание общий контекст дела и двойственную роль, сыгранную в этом деле главным редактором, его решение об изъятии тиража можно охарактеризовать как акт продиктованной политикой цензуры. Европейский Суд приходит к заключению, что при сложившихся обстоятельствах главный редактор применил общую политику муниципалитета и действовал как его представитель.»

Ссылаясь на собственную прецедентную практику, Европейский Суд пришел к выводу о том, что муниципалитет города «...является „органом государственной власти“ в рамках значения Конвенции, и Европейский Суд обладает компетенцией рассматривать его действия по принципу *ratione personae* <*>».

<*> Критерий личности (лат.)

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд пришел к заключению, что «...изъятие тиража газеты, содержащей статью заявителя, является вмешательством органа государственной власти в права заявителя по ст. 10 Конвенции».

В постановлении по делу «Кононцев против России» от 29 июля 2010 г. Европейский Суд признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей.

Обстоятельства дела: 9 июля 2003 г. заявитель, в отношении которого следственным управлением Министерства национальной безопасности Кыргызстана было вынесено обвинение в совершении мошенничества при отягчающих обстоятельствах, был задержан на территории Российской Федерации.

14 октября 2003 г. постановлением районного суда, принятым согласно п. 1 ст. 466 УПК Российской Федерации, заявитель был оставлен под стражей на время осуществления процедуры экстрадиции без ограничения срока.

6 апреля 2004 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации санкционировал экстрадицию заявителя в Кыргызстан.

13 мая 2004 г. городской суд оставил постановление об экстрадиции заявителя в Кыргызстан без изменения, как законное и обоснованное.

В неустановленную дату после 29 июля 2004 г. заявитель был экстрадирован в Кыргызстан.

Позиция Европейского Суда: «...в случае лишения свободы особенно важным является соблюдение общего принципа правовой определенности. Требование „качества закона“ в отношении п. 1 ст. 5 Конвенции означает, что в случае, когда национальное законодательство санкционирует лишение свободы, такое законодательство, в целях устранения любой опасности произвола, должно быть в достаточной степени доступным, точным и предсказуемым в правоприменении...».

Применительно к обстоятельствам настоящего дела Европейский Суд отметил, что «помещение заявителя под стражу не было санкционировано судом Российской Федерации в нарушение положений п. 1 ст. 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая требует такого подтверждения, в случае если постановление о заключении под стражу вынесено судом государства, добывающегося экстрадиции. В силу вышесказанного содержание заявителя под стражей до экстрадиции в период с 9 июля по 14 октября 2003 г. не соответствовало „порядку, установленному законом“, как того требует п. 1 ст. 5 Конвенции».

Относительно содержания заявителя под стражей после 14 октября 2003 г. Европейский Суд пришел к выводу, что «...постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу от 14 октября 2003 г. не устанавливало никаких сроков содержания заявителя под стражей... по истечении предельного первоначального срока содержания под стражей (п. 1 ст. 109 УПК РФ), суд соответствующего постановления о продлении срока по данному делу не вынес...», несмотря на то, что «...никаких ходатайств о продлении срока содержания под стражей не поступало».

Жалоба N 26321/03

Жалоба N 35016/03

Жалоба N 19732/04

Тексты постановлений получены из аппарата
Уполномоченного Российской Федерации при
Европейском Суде по правам человека.
Пунктуация и орфография авторов

перевода сохранены.

Отдел специального контроля

Управление систематизации

законодательства и анализа

судебной практики

**ОБЗОР
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ЗА ВТОРОЙ КВАРТАЛ 2011 ГОДА
(Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ
28 сентября 2011 года) Список изменяющих
документов (в ред. Обзора судебной практики, утв.
Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 N 2 (2016))**

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации преступлений

1. Лицо, с целью совершения кражи предоставившее информацию о наличии у потерпевшего крупной суммы денег и времени его отсутствия в квартире, обоснованно признано судом пособником в этом преступлении, хотя другие соучастники (исполнители) совершили разбой.

П., располагая информацией о наличии в квартире К. крупной суммы денег, не менее 100 000 долларов США, предварительно договорился с Н., У., Т. и иным лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, о хищении денег путем кражи. За предоставление информации П. должен был получить 10% похищенной суммы, лично не участвуя в краже.

Получив от П. сообщение о том, что потерпевший отсутствует в городе, Н., У. и иное лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, с целью совершения кражи попытались через окно проникнуть в квартиру и похитить деньги, но не смогли этого сделать, поскольку потерпевший оказался в квартире и обнаружил преступное посягательство. Осужденные скрылись с места происшествия.

Однако той же ночью, убедившись, что потерпевший не вызвал сотрудников милиции, указанные лица предприняли вторую попытку, в результате которой обманным путем проникли в квартиру и, применив насилие к потерпевшему, похитили у него деньги и имущество.

Действия П. квалифицированы судом по ч. 5 ст. 33, п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ).

Осужденный П. и его адвокат в кассационных жалобах просили переквалифицировать действия П. на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку первая попытка совершить кражу не удалась, а впоследствии имущество у потерпевшего было похищено другим способом, о чем П. не договаривался с осужденными.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

Судом установлено, что первоначальный умысел осужденных был направлен на хищение денежных средств у потерпевшего путем кражи. Но совершить кражу денег они не смогли и через незначительный промежуток времени, продолжая преследовать цель завладения

денежными средствами, напали на потерпевшего и похитили обнаруженные в квартире деньги и вещи, то есть довели свой преступный умысел до конца.

Поскольку действия указанных лиц по завладению денежными средствами путем разбоя не охватывались умыслом П. и являлись эксцессом исполнителей, то действия П. правильно квалифицированы судом как пособничество в совершении кражи группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с причинением значительного ущерба гражданину.

2. Действия осужденного, связанные с уничтожением или повреждением автомашины, которой он завладел во время разбойного нападения, представляют собой способ распоряжения похищенным имуществом (в уголовно-правовом смысле) и дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 167 УК РФ не требуют.

Установлено, что 6 февраля 1997 г. у Е., К. и Ш., следовавших в автомобиле потерпевшего О., возник умысел путем разбойного нападения завладеть деньгами и имуществом водителя. Остановив автомобиль в пустынном месте, осужденные совершили убийство О. Завладев деньгами и имуществом потерпевшего, осужденные скрылись с места происшествия на похищенной автомашине.

В ночь на 9 февраля 1997 г. Е. и К. сожгли автомашину, принадлежавшую О., причинив ущерб на сумму 11 210 000 неденоминированных рублей.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) действия Е. квалифицированы по п. п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 162, п. п. «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного Е., отменил состоявшиеся судебные решения в части его осуждения по ч. 2 ст. 167 УК РФ и производство по делу в этой части прекратил.

Президиум мотивировал свое решение следующим.

Судом установлено, что Е. в процессе разбойного нападения завладел автомобилем потерпевшего, а также другим имуществом, в связи с чем его действия квалифицированы по п. п. «а», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Стоимость похищенного автомобиля и находившегося в нем имущества включена в размер ущерба, причиненного в результате разбоя.

Затем с целью скрыть следы преступления, спустя более двух суток с момента совершения разбойного нападения, Е. принял участие в уничтожении похищенного автомобиля и находившегося в нем имущества, что получило самостоятельную юридическую оценку по ч. 2 ст. 167 УК РФ.

По настоящему делу основанием для квалификации действий осужденного Е. по п. п. «а», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ явились установленные судом факты посягательств, совершенные в разное время на один и тот же предмет преступления, который лишь единожды выбыл из законного владения собственника имущества.

Кроме того, условием наступления уголовной ответственности по ст. 167 УК РФ является причинение значительного ущерба именно вследствие умышленного уничтожения или повреждения имущества.

При таких обстоятельствах оснований для осуждения Е. по ч. 2 ст. 167 УК РФ не имелось.

3. Удержание пистолета в процессе нападения не может рассматриваться как незаконное ношение огнестрельного оружия и боеприпасов, дающее основание для квалификации действий виновного по ч. 2 ст. 222 УК РФ.

Как установлено приговором суда, Б. и Х. с целью завладения деньгами напали на потерпевших В., И. и К. При этом Х., угрожая пистолетом, потребовал передать ему находившиеся у потерпевшего В. деньги, а Б. в это время нанес потерпевшему К. удар ножом в спину.

В ответ на посягательства потерпевшие В. и И., обороняясь, произвели выстрелы в Х. После того как Х. упал, Б. поднял его пистолет, но был обезоружен и задержан потерпевшими.

По приговору суда Б. осужден по п. п. «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. N 73-ФЗ).

По этому же приговору Б. оправдан за отсутствием события преступления на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ по обвинениям по ч. 3 ст. 30, п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 2 ст. 222 УК РФ.

В кассационном представлении государственный обвинитель просил отменить приговор в части оправдания Б. по обвинению в незаконном ношении огнестрельного оружия и боеприпасов. Автор представления полагал, что время нахождения пистолета в руках Б. не имеет значения для квалификации его действий по ч. 2 ст. 222 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор суда без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения.

Из материалов дела следует, что после завладения пистолетом Б. был сразу разоружен потерпевшими, в связи с чем его действия по удержанию пистолета в процессе нападения не могут рассматриваться как незаконное ношение огнестрельного оружия и боеприпасов.

4. Если умысел виновного был направлен на убийство одного человека, но в результате выстрелов наступила не только смерть этого лица, но и причинен средней тяжести вред здоровью другим потерпевшим, то действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Установлено, что в ходе совместного распития спиртного между Б. и И. произошла ссора, перешедшая в драку. Во время драки Б. из имевшегося у него пистолета произвел выстрелы в И., от которых потерпевший впоследствии скончался. В момент выстрелов рядом с потерпевшим И. находились и другие граждане, в частности потерпевшие А. и М., которым действиями Б. был причинен средней тяжести вред здоровью.

Действия Б. квалифицированы судом по п. «е» ч. 2 ст. 105, по п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 222 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат осужденного просил приговор отменить, производство по ч. 2 ст. 112 УК РФ прекратить в связи с отсутствием в действиях осужденного состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения.

Позиция адвоката осужденного о том, что для квалификации действий осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ необходимо установить прямой умысел, не основана на законе.

Производя выстрелы в направлении И., рядом с которым находились другие люди, Б. хотя и не желал причинения им вреда, однако сознательно допускал возможность причинения вреда их здоровью любой тяжести, то есть действовал с косвенным умыслом на причинение средней тяжести вреда здоровью А. и М.

Очередность причинения ранений потерпевшим, на что обращается внимание в жалобе, не имеет правового значения и не влияет на юридическую оценку действий осужденного.

Определение N 78-О11—18

Постановление Президиума Верховного Суда РФ N 57П11

Определение N 78-О11—15

Определение N 20-О11—2

Назначение наказания

5. В тех случаях, когда обстоятельство, предусмотренное в законе как отягчающее наказание, указано в статье Особенной части Уголовного кодекса в качестве одного из признаков преступления, оно повторно не может учитываться при назначении наказания.

По приговору суда Я. осужден к лишению свободы: по п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (за преступление, совершенное в мае 2002 года) на 9 лет; по п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (за преступление, совершенное в июне 2002 года) на 9 лет; по п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (за преступление, совершенное в августе 2002 года) на 9 лет; по ч. 1 ст. 105 УК РФ (за преступление, совершенное 8 декабря 2002 года) на 9 лет; по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (за преступление, совершенное 8 декабря 2002 года) на 12 лет. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено окончательное наказание в виде 23 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению прокурора, изменил судебные решения, исключил из приговора отягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в отношении малолетней.

В постановлении указано следующее.

Диспозиция п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ) предусматривала уголовную ответственность за изнасилование потерпевшей, заведомо не достигшей четырнадцатилетнего возраста.

Используя в уголовном законе термин «малолетние» (п. «г» ч. 1 ст. 61, п. «з» ч. 1 ст. 63, п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и другие), законодатель не раскрывает содержание данного термина. Между тем по смыслу закона, придаваемому ему правоприменительной практикой, малолетними являются дети, не достигшие четырнадцатилетнего возраста. В связи с этим нормативные термины «малолетние» и «не достигшие четырнадцатилетнего возраста» в уголовном законе являются равнозначными по содержанию.

Поскольку суд первой инстанции учел возраст потерпевшей при юридической оценке действий виновного в качестве квалифицирующего признака (совершение преступления в отношении потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста), то признание этого же обстоятельства в качестве отягчающего наказание (совершение преступления в отношении малолетнего) противоречит положениям ч. 2 ст. 63 УК РФ.

Кроме того, Президиум все действия осужденного в соответствии с положениями ст. 10 УК РФ квалифицировал по п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ), поскольку санкция закона в данной редакции является более мягкой по сравнению с санкцией п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ).

6. При повторном условном осуждении за преступление, совершенное до вынесения первого приговора, правила назначения наказания по совокупности преступлений, предусмотренные ч. 5 ст. 69 УК РФ, не применяются, а каждый приговор исполняется самостоятельно.

По приговору суда от 29 марта 2002 г. Ю. (ранее судимый 26 ноября 2001 г. по п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, постановлением суда от 25 июня 2009 г. его действия переквалифицированы на п. п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ), по которой назначено 1 год 10 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года) осужден по п. п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения данного наказания с наказанием по приговору от 26 ноября 2001 г. назначено 3 года 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

Постановлением суда от 20 января 2004 г. приговор от 29 марта 2002 г. в порядке ст. 396, п. 13 ст. 397, ст. 399 УПК РФ изменен, действия Ю. переквалифицированы с п. п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 3 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 сентября 2008 г. изменила постановление суда от 20 января 2004 г., действия Ю. переквалифицировала с ч. 3 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ) на п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ), по которым назначила 3 года 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

В надзорной жалобе осужденный Ю. просил смягчить наказание, а также исключить назначение наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорную жалобу осужденного, а состоявшиеся в отношении Ю. судебные решения изменил, указав следующее.

При приведении приговора в соответствие с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ исключено осуждение Ю. по п. п. «б», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ), то есть по квалифицирующим признакам «неоднократно» и «с причинением значительного ущерба гражданину».

Кроме того, в соответствии с примечанием к ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, введенного в действие с 1 июля 2002 г., исключено осуждение за кражу имущества А. на сумму 300 рублей.

Однако при этом, несмотря на указанные изменения, улучшающие положение осужденного, вопрос о смягчении ему наказания не обсуждался. Более того, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, назначив Ю. по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ) 3 года 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, вопреки требованиям ч. 3 ст. 410 УПК РФ усилила наказание, поскольку судом первой инстанции ему по данной статье было назначено 3 года лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ.

Поэтому назначенное Ю. по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ) наказание подлежало смягчению.

При условном осуждении по второму приговору за преступление, совершенное до провозглашения первого приговора, по которому также было применено условное осуждение, суд в резолютивной части приговора должен указать на самостоятельность исполнения указанных приговоров, поскольку испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием и не может быть ни поглощен более длительным испытательным сроком, ни частично или полностью сложен.

Однако в отношении Ю. при условном осуждении по приговору от 29 марта 2002 г. за преступление, совершенное до вынесения предыдущего приговора от 26 ноября 2001 г., по которому также было применено условное осуждение, применены общие правила назначения наказания по совокупности преступлений (ч. 5 ст. 69 УК РФ).

Постановлением суда от 23 января 2004 г. в соответствии с ч. 3 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение Ю. по приговору от 29 марта 2002 г. и для отбывания наказания, назначенного по ст. 158 УК РФ, в виде 3 лет лишения свободы он направлен в исправительную колонию общего режима.

Следовательно, приговор суда от 26 ноября 2001 г., по которому Ю. осужден (с учетом внесенных изменений) по п. п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ условно, должен исполняться самостоятельно.

На основании изложенного Президиум изменил состоявшиеся в отношении Ю. судебные решения и смягчил ему наказание по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ) до 2 лет 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

Президиум исключил из приговора назначение наказания по совокупности преступлений на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 388П10пр

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 2П11

Процессуальные вопросы

7. Нарушение судом кассационной инстанции положений ст. 51 УПК РФ повлекло отмену кассационного определения.

По приговору суда от 26 декабря 2006 г. Г. и С. осуждены по п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 апреля 2007 г. оставила приговор в отношении Г. и С. без изменения.

В надзорном представлении поставлен вопрос об отмене кассационного определения в отношении Г., поскольку уголовное дело в отношении его рассмотрено в кассационном порядке без адвоката, чем нарушено право осужденного на защиту.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению, а также проверив производство по делу в соответствии с ч. 1 ст. 410 УПК РФ в полном объеме, отменил кассационное определение, указав следующее.

В соответствии с п. п. 1, 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, а также если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Как усматривается из материалов дела, осужденные Г. и С., не согласившись с приговором, обжаловали его в кассационном порядке. При этом Г. в дополнительной кассационной жалобе от 28 декабря 2006 г. сообщил, что ни он, ни его родители не имеют средств на оплату услуг адвоката, который мог бы оказать ему помощь.

Кроме того, в ходатайстве от 12 апреля 2007 г., которое поступило в Верховный Суд РФ после заседания суда кассационной инстанции, Г. указывал, что ему требуется юридическая помощь и просил назначить защитника.

Кассационное рассмотрение уголовного дела состоялось 18 апреля 2007 г. и проходило с участием прокурора, а также названных осужденных, но в отсутствие адвокатов. Данных о том, что Г. и С. отказались от помощи защитников в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, в материалах дела не имеется.

При таких обстоятельствах при кассационном рассмотрении дела было нарушено право осужденных Г. и С. на защиту.

Президиум отменил кассационное определение от 18 апреля 2007 г. в отношении Г. и С. и передал уголовное дело на новое кассационное рассмотрение.

8. Судья обоснованно возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (тексты обвинительного заключения переданы обвиняемым на электронном носителе информации).

Постановлением судьи уголовное дело в отношении Р. и других, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159, ч. 1 ст. 210, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, возвращено прокурору области для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Направляя дело прокурору, суд в постановлении указал, что органами предварительного следствия нарушены права обвиняемых, которым не вручены копии обвинительного заключения, что является препятствием для рассмотрения дела судом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила постановление судьи без изменения, а кассационное представление и кассационные жалобы – без удовлетворения.

Судебная коллегия указала следующее.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору, если копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому.

Как установлено судом, подсудимым не были вручены копии машинописного текста обвинительного заключения в полном объеме (подсудимому Р. первоначально из 84 томов обвинительного заключения было вручено лишь 8 томов), а весь текст обвинительного заключения был передан на электронном носителе информации, что не предусмотрено уголовно-процессуальным законом.

Учитывая большой объем обвинительного заключения, обвиняемым следовало предоставить возможность получить копии обвинительного заключения в напечатанном виде в полном объеме, как того требует закон, и лишь в случае письменного отказа обвиняемых от получения копии в машинописном варианте с согласия обвиняемых им могли быть вручены тексты обвинительного заключения на электронном носителе информации.

Поскольку таких данных в материалах дела нет, суд обоснованно пришел к выводу о том, что при направлении уголовного дела в суд требования ч. 2 ст. 222 УПК РФ о вручении копии обвинительного заключения не выполнены, что является препятствием для рассмотрения судом уголовного дела.

9. Функцию апелляционной инстанции при пересмотре промежуточных судебных решений областного суда выполняет судебная коллегия по уголовным делам этого суда.

Постановлением судьи Магаданского областного суда от 11 мая 2011 г. ходатайство адвоката об изменении территориальной подсудности уголовного дела в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, оставлено без удовлетворения.

Исполняющим обязанности заместителя председателя Магаданского областного суда материалы уголовного дела в отношении Д. по кассационной жалобе адвоката были направлены для рассмотрения в кассационную инстанцию Верховного Суда РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ с учетом положений ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ направила уголовное дело по подсудности для рассмотрения в суд апелляционной инстанции – в судебную коллегию по уголовным делам Магаданского областного суда.

Главой 45.1 УПК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. и вступившей в силу с 1 мая 2011 г., предусмотрен апелляционный порядок обжалования промежуточных судебных решений, а функцию апелляционной инстанции при пересмотре промежуточных судебных решений областного суда выполняет судебная коллегия по уголовным делам этого суда.

10. Судебное решение об отклонении ходатайства о прекращении производства по делу в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступлений является промежуточным решением, оно не затрагивает и не нарушает конституционных и иных прав обвиняемого, находящихся за рамками уголовно-процессуальных отношений, не препятствует доступу к правосудию и может быть обжаловано вместе с итоговым судебным решением на общих осно-

ваниях, регламентированных нормами уголовно-процессуального закона, что следует из положений ч. 7 ст. 236 и ч. 5 ст. 355 УПК РФ.

Постановление Президиума
Верховного Суда РФ N 444П10пр

Определение N 16-О11—9

Определение N 93-О11—14

Определение N 55-О11—4

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Сведения, содержащиеся в заключении служебной проверки, оформленной приказом работодателя, не могут быть оспорены работником в порядке ст. 152 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ прекратила производство по делу по иску о признании фактов, изложенных в заключении служебной проверки в отношении заявителя, не соответствующими действительности, подрывающими его деловую репутацию, честь и достоинство как сотрудника органов внутренних дел, указав при этом следующее.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок.

Поскольку сведения, с которыми не согласен истец, содержались в официальном документе (заключении служебной проверки) и непосредственно были связаны с прохождением им службы в органах внутренних дел, то они могли быть оспорены им только в порядке, предусмотренном законодательством о прохождении службы в органах внутренних дел, а также Трудовым кодексом РФ.

Исходя из характера заявленных истцом требований в порядке ст. 152 ГК РФ (опровержение сведений, не соответствующих действительности) и обстоятельств, на которых они основаны (заключение служебной проверки), в принятии такого искового заявления суду надлежит отказать на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Определение N 30-Г10—15сс

Практика рассмотрения дел, касающихся реализации права на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок

2. Значение предмета спора, касающегося разрешения вопроса о праве собственности и судебном пресечении его нарушения, для заявителя является одним из критериев оценки разумности длительности судебного разбирательства.

К. обратился в областной суд с заявлением к Минфину России о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при рассмотрении Советским районным судом г. Ростова-на-Дону гражданского дела по его иску о восстановлении пропущенного срока принятия наследства.

Решением областного суда заявление К. удовлетворено, в его пользу с Российской Федерации в лице Минфина России за счет средств федерального бюджета взыскана компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 50 000 рублей, решение обращено к немедленному исполнению.

Судом установлено, что общая продолжительность судопроизводства по данному делу составила 7 лет (с сентября 1996 по сентябрь 2003 года).

Удовлетворяя требования К., суд первой инстанции, оценив собранные по делу доказательства, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевремен-

ного рассмотрения дела, учитывая правовую и фактическую сложность дела, поведение участников процесса, пришел к правильному выводу о том, что срок рассмотрения данного дела нельзя признать разумным, а действия суда – достаточными и эффективными.

При этом судом первой инстанции было учтено, что дело имело определенную правовую и фактическую сложность в силу таких обстоятельств, как множественность лиц, участвующих в деле, заявление ими исковых требований, направленных на прекращение прав иных участников спорных правоотношений, неоднократное изменение и уточнение исковых требований, предъявление встречных исковых требований и назначение почерковедческой экспертизы.

Действия истца и его представителей, выразившиеся в уточнении исковых требований, заявлении ходатайств об истребовании дополнительных доказательств, в том числе о назначении судебной почерковедческой экспертизы и предоставлении заявителю возможности сформулировать вопросы, адресованные экспертам, повлекшие за собой неоднократное приостановление производства по делу и отложение судебных разбирательств, признаны реализацией процессуальных прав, принадлежащих лицам, участвующим в деле, которые не являются обстоятельствами, повлиявшими на длительность рассмотрения дела.

Признавая право на присуждение компенсации по основаниям, указанным заявителем, суд первой инстанции правомерно принял во внимание то, что своевременное разрешение спора имело для заявителя приоритетное значение, поскольку касалось разрешения вопроса о праве собственности и судебном пресечении его нарушения (рассмотрение заявления о восстановлении срока принятия наследства в виде квартиры).

Согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» размер компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского Суда по правам человека.

Исходя из обстоятельств дела, установленных судом первой инстанции, чрезмерной длительности судебного рассмотрения дела по иску, а также учитывая практику Европейского Суда по правам человека, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала размер присужденной компенсации не отвечающим требованиям справедливости.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ решение Ростовского областного суда от 29 октября 2010 г. изменила, взыскав в пользу К. с Российской Федерации в лице Минфина России за счет средств федерального бюджета компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 120 000 руб.

3. Требование о выплате денежной компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок признано правомерным.

З. и С. обратились в городской суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Определением судьи городского суда заявление возвращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 244.6 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила указанное определение и передала вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из представленных материалов и заявления усматривается, что решением районного суда от 20 марта 2002 г., вступившим в законную силу 28 июня 2002 г., удовлетворен иск А. к Минтруду России о восстановлении его на работе и взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула.

В связи с длительным неисполнением указанного судебного акта А. 1 сентября 2004 г. обратился в Европейский Суд по правам человека, жалобе присвоен N 45236/04. 9 января 2010 г. А. умер.

З. (супруга) и С. (дочь) в установленном законом порядке приняли наследство после смерти А., о чем 9 августа 2010 г. выдано свидетельство о праве на наследство.

Определениями районного суда от 19 октября 2010 г., вступившими в законную силу 30 октября 2010 г., произведена замена взыскателя А. на заявителей З. и С. в части удовлетворенных требований о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и изменен способ и порядок исполнения указанного решения, в соответствии с которым суд обязал Минфин России выплатить за счет казны Российской Федерации в пользу З. и С. в равных долях взысканную в пользу А. заработную плату за время вынужденного прогула.

Обращаясь в городской суд, заявители указали, что решение районного суда от 20 марта 2002 г. не исполнено.

Возвращая заявление З. и С., судья городского суда исходил из того, что решением районного суда от 20 марта 2002 г. не предусматривалось обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Взыскание на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, по мнению суда, было произведено лишь в связи с изменением порядка и способа исполнения решения суда от 20 марта 2002 г., то есть с 30 октября 2010 г. Суд указал, что у заявителей, являющихся правопреемниками в исполнительном производстве, отсутствует право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок за период с 20 марта 2002 до 30 октября 2010 г. Статус взыскателя, дающий право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, появился у заявителей с момента вступления в силу определения районного суда от 19 октября 2010 г., то есть с 30 октября 2010 г. Однако поскольку заявление о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок было подано заявительницами 8 ноября 2010 г., то есть до истечения шестимесячного срока, предусмотренного ч. 3 ст. 244.1 ГПК РФ и ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации), у заявителей фактически не возникло право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации.

Между тем ч. 1 ст. 1 Закона о компенсации предусмотрено, что взыскатели, должники, в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица при нарушении их права на исполнение судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в разумный срок могут обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение в порядке, установленном данным федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации предполагает наличие у Российской Федерации, субъекта Российской Федерации либо муниципального образования денежного обязательства, под которым понимается обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства (ст. 6 БК РФ).

Согласно Положению о Министерстве труда и социального развития РФ, утвержденному постановлением Правительства РФ от 23 апреля 1997 г. N 480, действовавшим на момент вынесения решения районного суда от 20 марта 2002 г., Минтруд России являлся федеральным органом исполнительной власти.

В соответствии с абзацем вторым ст. 84 БК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения указанного решения суда, обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти финансировалось исключительно из федерального бюджета.

Таким образом, поскольку взыскание денежных средств с Минтруда России ввиду отсутствия иных источников финансирования означало обращение взыскания на средства федерального бюджета Российской Федерации, постольку ссылка суда на то, что Минтруд России по делу по иску А. выступал в качестве представителя нанимателя истца, в связи с чем обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации не имелось, является несостоятельной.

Нельзя согласиться и с выводом суда о том, что у З. и С. статус взыскателей, дающий право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, появился лишь с 30 октября 2010 г., то есть с даты вступления в законную силу определения районного суда от 19 октября 2010 г., которым произведена замена взыскателя А. на заявителей З. и С. и изменены способ и порядок исполнения указанного решения суда.

Представителем заявителей на обозрение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ представлено письмо из Европейского Суда по правам человека, в котором Европейский Суд признал право З. и С. быть заявителями вместо А., обратившегося ранее в Европейский Суд по правам человека с жалобой. Письмом от 26 января 2011 г. Минюст России информировал С. о праве на восстановление прав заявителей, пострадавших от неисполнения вступивших в законную силу решений российских судов.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что З. и С. не относятся к числу лиц, имеющих право на присуждение компенсации за нарушение права на исполнение решения районного суда от 20 марта 2002 г. в разумный срок, и вправе обратиться с таким заявлением по истечении шестимесячного срока, установленного ч. 3 ст. 244.1 ГПК РФ и ч. 8 ст. 3 Закона о компенсации, является неправильным.

Определение N 41-Г10—68

Определение N 5-Г11—18

Практика рассмотрения дел по спорам возникающим из наследственных правоотношений

4. Доля наследника, умершего ранее завещателя, считается незавещанной и переходит к наследникам по закону лица, оставившего завещание.

А. обратился в суд с иском к местной администрации о признании права собственности на жилой дом с надворными постройками и земельный участок. В обоснование заявленных требований указал, что данное имущество, согласно завещанию от 22 октября 1985 г., было завещано ему и его брату М.В. бабушкой Б., умершей 24 мая 2008 г. Поскольку 26 апреля 1993 г. брат М.В. умер, А. после смерти Б. фактически принял наследство, однако каких-либо правоустанавливающих документов на названное имущество не имеет, зарегистрировать право собственности на него не может.

М.Е., действуя также в интересах несовершеннолетнего М.А., обратилась в суд со встречными исковыми требованиями о признании права собственности на 1/4 доли жилого дома с надворными постройками и на 1/4 доли земельного участка за ней и М.А., о признании недействительным свидетельства о праве на наследство по завещанию, выданного А., ссылаясь на то, что она наравне со своим сыном М.А. и А. вправе наследовать спорное имущество, поскольку после смерти Б., которому была завещана 1/2 доли указанного имущества, они приняли наследство в установленном порядке.

Решением районного суда исковые требования сторон удовлетворены частично.

Судом установлено, что согласно завещанию от 22 октября 1985 г. Б. принадлежащее ей спорное домовладение с надворными постройками и земельный участок завещала внукам В. и А. в равных долях. Завещание Б. не содержит указания о подназначении наследников. В. умер 26 апреля 1993 г. Б. умерла 24 мая 2008 г.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу о частичном удовлетворении исковых требований А. и встречного иска М.Е., действующей также в интересах несовершеннолетнего М.А., признав за А. право собственности на 3/4 доли жилого дома с надворными постройками и 3/4 доли земельного участка, за М.А. – право собственности на 1/4 доли жилого дома с надворными постройками и 1/4 доли земельного участка, восстановив последнему срок для принятия наследства, открывшегося после смерти его отца В., наступившей в 1993 году, и признав его принявшим наследство.

При этом суд указал, что поскольку наследник по завещанию В. умер ранее завещателя Б., то есть до открытия наследства, то в данном случае в отношении 1/2 доли наследственного имущества имеет место наследование по закону.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска А. и отказе в удовлетворении встречных исковых требований М.Е., суд кассационной инстанции исходил из того, что поскольку наследник по завещанию В. умер ранее наследодателя Б., то есть до открытия наследства, и наследодателем не был подназначен наследник, то право наследования по закону имущества Б., завещанного ее внукам, у ее правнука М.А. по праву представления, предусмотренному ст. 1146 ГК РФ, не возникло, в связи с чем отсутствуют основания для признания за М.А. права собственности на наследственное имущество в порядке наследования по закону.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 4 ст. 35 Конституции РФ право наследования гарантируется. Это право включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти, так и право наследников по закону и по завещанию на его получение.

В соответствии со ст. 1111 ГК РФ наследование осуществляется по завещанию и по закону. Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных названным Кодексом.

В силу п. 1 ст. 1119 ГК РФ завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных названным Кодексом, включить в завещание иные распоряжения.

На основании п. 1 ст. 1121 ГК РФ завещатель может совершить завещание в пользу одного или нескольких лиц (ст. 1116), как входящих, так и не входящих в круг наследников по закону.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд кассационной инстанции руководствовался положениями ст. 1161 ГК РФ о приращении наследственных долей, согласно которым, если наследник не примет наследство, откажется от наследства, не указав при этом, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1158), не будет иметь права наследовать или будет отстранен от наследования по основаниям, установленным ст. 1117 данного Кодекса, либо вследствие недействительности завещания, часть наследства, которая причиталась бы такому отпавшему наследнику, переходит к наследникам по закону, призванным к наследованию, пропорционально их наследственным долям. Однако в случае, когда наследодатель завещал все имущество назначенным им наследникам, часть наследства, причитавшаяся наследнику, отка-

завшемуся от наследства или отпавшему по иным указанным основаниям, переходит к остальным наследникам по завещанию пропорционально их наследственным долям, если только завещанием не предусмотрено иное распределение этой части наследства.

Между тем указанная норма, перечисляя случаи, при которых происходит увеличение части наследственного имущества, приходящегося на долю наследника, принявшего наследство, за счет доли отпавшего наследника, не содержит указания на такое основание для приращения этой доли, как смерть наследника, наступившая ранее смерти завещателя, при отсутствии распоряжения о подназначении наследника.

Таким образом, из системного толкования указанных положений в их взаимосвязи следует, что в случае смерти наследника по завещанию, последовавшей ранее смерти завещателя, и отсутствия распоряжения завещателя о подназначении наследника в отношении доли имущества, завещанной такому наследнику, должны применяться положения о наследовании имущества по закону (глава 63 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 1141 ГК РФ наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности, предусмотренной ст. 1142 – 1145 и 1148 указанного Кодекса.

Наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя. Внуки наследодателя и их потомки наследуют по праву представления (п. п. 1 и 2 ст. 1142 ГК РФ).

Поскольку лица, наследующие по праву представления, занимают среди других наследников наследодателя то место, которое мог бы занимать их умерший родитель, постольку внуки наследодателя и их потомки являются наследниками первой очереди по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из родителей, который был бы наследником.

Таким образом, после смерти Б., наступившей в 2008 году, к наследованию по закону в равных долях имущества, завещанного ею В., должны быть призваны по праву представления М.А. – правнук Б. и А. – внук Б.

Определение N 84-В11—3

Практика рассмотрения дел по спорам возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений

5. Орган социального страхования, исполнивший обязательство по выплате страховых сумм, назначенных в возмещение вреда, причиненного здоровью потерпевшего, имеет право обратного требования к лицам, по чьей вине причинен вред.

И. обратилась в суд с иском к М. о возмещении материального ущерба и взыскании компенсации морального вреда. В обоснование своих требований указала, что в результате дорожно-транспортного происшествия по вине ответчика ее здоровью был причинен тяжкий вред. Просила взыскать понесенные на восстановление здоровья затраты, связанные с дополнительным питанием, приобретением медикаментов, проездом в больницу, телефонными переговорами, а также компенсацию морального вреда.

Территориальный орган Фонда социального страхования РФ (далее – орган социального страхования) обратился в суд с иском к М. о взыскании в порядке регресса сумм, выплаченных И. в возмещение вреда здоровью. В обоснование своих требований сослался на то, что в результате дорожно-транспортного происшествия по вине водителя М. был причинен тяжкий вред здоровью И., которая находилась при исполнении трудовых обязанностей. В связи с происшедшим органом социального страхования И. выплачено страховое возмещение. Просил взыскать с ответчика в порядке регресса выплаченную им в счет возмещения вреда сумму.

Решением районного суда иск И. удовлетворен частично. Иск органа социального страхования удовлетворен в полном объеме.

Определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда решение суда в части взыскания с М. в пользу органа социального страхования в порядке регресса требуемой денежной суммы отменено, в указанной части вынесено новое решение об отказе в удовлетворении иска. В остальной части решение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 1081 ГК РФ, ст. 6 и подп. 8 п. 1 ст. 11 Федерального закона от 16 июля 1999 г. N 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», п. 59 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденных постановлением Правительства РФ от 7 мая 2003 г. N 263, пришел к правильному выводу о том, что органы государственного социального страхования и социального обеспечения, которые выплатили страховое возмещение, имеют право обратного требования (регресса) к лицу, причинившему вред.

В соответствии с п. 1 ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Согласно подп. 8 п. 1 ст. 11 Федерального закона от 16 июля 1999 г. N 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» страховщики имеют право обращаться в суд с исками о защите своих прав и возмещении причиненного вреда, в том числе предъявлять регрессные иски о возмещении понесенных расходов.

Исходя из положений ст. 17 Федерального закона от 16 июля 1999 г. N 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» источником поступлений денежных средств в бюджеты фондов конкретных видов обязательного социального страхования являются денежные средства, возмещаемые страховщикам в результате регрессных требований к ответственным за причинение вреда застрахованным лицам.

Таким образом, регрессные иски, предъявляемые исполнительными органами Фонда социального страхования РФ на основании указанных норм права, представляют собой правовой механизм возложения бремени ответственности за причиненный вред в итоге непосредственно на его причинителя.

Кроме того, критерии лиц, возместивших вред, которые не имеют права регресса к лицу, причинившему вред, установлены п. 4 ст. 1081 ГК РФ.

Взыскание страховщиком в регрессном порядке выплаченных сумм обеспечения по страхованию (в том числе пособия по временной нетрудоспособности, страховых выплат и дополнительных расходов на реабилитацию) непосредственно с причинителя вреда соответствует действующему законодательству.

6. В случае истечения срочного трудового договора на участие в общественных работах в период беременности женщины работодатель обязан продлить срок действия трудового договора до окончания беременности.

Л. обратилась в суд с иском к местной администрации о продлении срочного трудового договора, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда. В обоснование заявленных требований истец указала на то, что 4 мая 2010 г. ответчик заключил с ней срочный трудовой договор на срок до 31 мая 2010 г. для выполнения общественных работ. Аналогичные срочные трудовые договоры заключались с истцом в марте и апреле 2010 года. 27 мая 2010 г. с учетом положений ст. 261 ТК РФ Л. обратилась к ответчику с заявлением о продлении срочного трудового договора на срок ее беременности, однако указанное заявление было оставлено без удовлетворения со ссылкой на заключение с ней сроч-

ного трудового договора на выполнение конкретного вида работ в определенные сроки в рамках Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. N 1032—1 «О занятости населения в Российской Федерации» и отсутствие законных оснований для продления данного договора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в удовлетворении иска Л. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно п. 4 ст. 24 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. N 1032—1 «О занятости населения в Российской Федерации» на граждан, занятых на общественных работах, распространяется законодательство Российской Федерации о труде и социальном страховании.

В соответствии со ст. 59 ТК РФ с работниками, направленными на общественные работы, заключаются срочные трудовые договоры.

Статьей 261 ТК РФ установлены определенные гарантии беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, и лицам, воспитывающим детей без матери, при расторжении трудового договора.

В частности, частью второй данной статьи установлено, что в случае истечения срочного трудового договора в период беременности женщины работодатель обязан по ее письменному заявлению и при предоставлении медицинской справки, подтверждающей состояние беременности, продлить срок действия трудового договора до окончания беременности.

Данное правило обязательно для работодателей, кроме случая заключения срочного трудового договора на время исполнения обязанностей отсутствующего работника и невозможности перевести беременную женщину до окончания беременности на другую имеющуюся у работодателя работу, которую она может выполнять с учетом состояния здоровья (ч. 3 ст. 261 ТК РФ).

Таким образом, обязанность работодателя по продлению срока действия трудового договора до окончания беременности прямо предусмотрена трудовым законодательством.

Учитывая то, что срочный трудовой договор заключен с Л. на участие в общественных работах, а также то, что она обращалась к работодателю с заявлением о продлении срока действия договора, предоставила справку, подтверждающую ее беременность, действия работодателя, выразившиеся в отказе продлить срочный трудовой договор, являются неправомерными, поэтому вывод суда об отказе в удовлетворении иска нельзя признать законным.

7. Ограничение возможности зачета периода работы в годы Великой Отечественной войны в малолетнем возрасте в стаж для назначения пенсии признано незаконным.

Б. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании недействительным решения комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан от 13 октября 2009 г. об исключении из ее общего трудового стажа периодов работы в колхозе с 1942 по 1944 года и с 1945 по 1946 год. С указанным решением истец не согласна, поскольку данные периоды работы были ранее учтены при перерасчете размера пенсии 15 апреля 1994 г.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судом установлено, что 24 января 1987 г. Б. назначена пенсия по старости. 15 апреля 1994 г. после предоставления доказательств осуществления трудовой деятельности в период с 1942 по 1947 год пенсия Б. была пересчитана исходя из общего стажа работы, составившего 45 лет 8 месяцев 25 дней.

В связи с внесением изменений в Закон РФ от 20 ноября 1990 г. N 340—1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» 12 мая 1997 г. Б. был произведен перерасчет размера пенсии исходя из общего стажа работы 48 лет 4 месяца 28 дней.

Решением комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан от 13 октября 2009 г. из общего трудового стажа истца исключены периоды ее работы в колхозе с 1942 по 1944 год и с 1945 по 1946 год.

При рассмотрении дела суд сослался на п. 33 Указания Министерства социальной защиты населения РФ от 26 марта 1993 г. N 1-28-У «Ответы на вопросы по применению Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. «О государственных пенсиях в РСФСР», в соответствии с которым в период военного времени свидетельскими показаниями может быть подтверждена работа с 12 – 13 лет. Поскольку Б. 12 лет исполнилось только 24 января 1944 г., суд пришел к выводу о правомерности отказа во включении в трудовой стаж истца периода ее работы в колхозе с 1942 по 24 января 1944 год, то есть до достижения 12-летнего возраста.

Отказывая в зачете в трудовой стаж Б. периода ее работы с 1945 по 1946 год, суд, руководствуясь ст. 135 Кодекса законов о труде РСФСР, принятого в 1922 году, а также Примерным Уставом сельскохозяйственной артели, утвержденным 17 февраля 1935 г. и Примерным Уставом колхоза, утвержденным 28 ноября 1969 г., пришел к выводу о том, что в трудовой стаж истца на основании свидетельских показаний может быть включен период ее работы в колхозе после окончания Великой Отечественной войны только после достижения ею 14-летнего возраста.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 89 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. N 340—1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации», действовавшей до 1 января 2002 г., в общий трудовой стаж включается любая работа в качестве рабочего, служащего (в том числе работа по найму до установления Советской власти и за границей), члена колхоза или другой кооперативной организации; иная работа, на которой работник, не будучи рабочим или служащим, подлежал государственному социальному страхованию; работа (служба) в военизированной охране, в органах специальной связи или горноспасательной части, независимо от ее характера; индивидуальная трудовая деятельность, в том числе в сельском хозяйстве.

Судом установлено, что 15 апреля 1994 г. Б. был произведен перерасчет пенсии в соответствии с действовавшим на тот период законодательством. При этом в общий трудовой стаж был включен период осуществления истцом трудовой деятельности с 1942 по 1947 год, подтвержденный показаниями свидетелей.

Разрешая спор, суд пришел к выводу о том, что свидетельскими показаниями может быть подтвержден трудовой стаж только после достижения работником определенного возраста, с которого допускается заключение трудового договора.

Между тем ограничение возможности зачета периода работы в стаж в зависимости от возраста заявителя Законом РФ «О государственных пенсиях в Российской Федерации» не предусмотрено. Исходя из положений статьи 89 этого Закона в общий трудовой стаж включается любая работа по трудовому договору, а в статье 97 предусмотрена возможность подтверждения трудового стажа при утрате документов свидетельскими показаниями.

При таких обстоятельствах юридически значимым при решении вопроса о зачете в стаж для назначения пенсии периода работы на предприятии или в колхозе является наличие доказательств выполнения этой работы, а не возраст заявителя.

Установленные в законодательстве того времени запреты принимать в члены колхоза несовершеннолетних накладывали ограничения и имели негативные последствия при их несоблюдении для работодателей, но не для работников, принятых на работу и фактически осуществлявших трудовую деятельность. Иное толкование и применение законодательства повлекло бы неправомерное ограничение конституционного права граждан на социальное обеспечение.

Из материалов дела усматривается, что свидетельскими показаниями подтверждается работа Б. в колхозе в период с 1942 по 1947 год.

Кроме того, невозможность документального подтверждения стажа работы в колхозах непосредственно в годы войны и сразу после нее вызвано трудностями военного времени, о чем свидетельствует и Указ Президента РФ от 10 декабря 1993 г. N 2123 «О повышении пенсии в соответствии с пунктом „ж“ статьи 110 Закона РСФСР „О государственных пенсиях в РСФСР“ гражданам, родившимся до 31 декабря 1931 г.», которым было установлено, что повышение пенсии гражданам, родившимся до 31 декабря 1931 г. включительно, следует производить без истребования доказательств времени работы, определенных статьями 96 и 97 названного Закона.

Таким образом, исключение из общего трудового стажа Б. периодов работы с 1942 по 1944 год и с 1945 по 1946 год является незаконным.

Определение N 48-B11—6

Определение N 35-B11—5

Определение N 4-B11—13

Вопрос подведомственности споров

8. Спор между гражданином и акционерным обществом о выделе доли в праве общей долевой собственности на земельный участок подведомствен суду общей юрисдикции.

К. обратилась в суд с иском к ОАО о выделе ей 2/326 доли в праве общей долевой собственности на земельный участок. В обоснование заявленного требования К. ссылалась на то, что ей и мужу, как работникам ТОО, на основании приказов от 10 апреля 1994 г. и от 30 декабря 1994 г. было предоставлено по 1/326 доли в праве собственности на земельный участок из состава земель ТОО. Права на указанные доли удостоверены свидетельствами о праве собственности на землю, выданными районным комитетом по земельным ресурсам и землеустройству. После смерти 3 июля 1998 г. ее мужа К. получила свидетельство о праве на наследство по закону от 1 июля 2002 г. Ни она, ни ее муж не осуществляли отчуждение принадлежащих им долей, в том числе путем внесения их в уставный капитал какого-либо сельскохозяйственного предприятия. Таким образом, как указала истец, ей принадлежит 2/326 доли или 1/163 доли в праве общей долевой собственности на указанный земельный участок ТОО, правопреемником которого в настоящее время является ОАО.

Определением судьи городского суда, оставленным без изменения определением областного суда, в принятии указанного заявления К. отказано и разъяснено, что с таким заявлением она вправе обратиться в арбитражный суд.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, вопрос о принятии к производству суда искового заявления К. к акционерному обществу о выделе доли в праве общей долевой собственности на земельный участок направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, отказывая К. в принятии искового заявления к ОАО о выделе доли в праве общей долевой собственности на земельный участок, сослался на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, исходя из того, что спор связан с принадлежностью доли в уставном капитале бывшего ТОО, ныне ОАО, и, следовательно, в силу ст. 10 Федерального закона от 19 июля 2009 г. N 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подведомствен арбитражному суду.

С выводом суда первой инстанции согласился суд кассационной инстанции.

Между тем согласно п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 19 июля 2009 г. N 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») к специальной подведомственности арбитражных судов отнесено рассмотрение дел по корпоративным спорам, в частности по спорам, связанным с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав (п. 2 ст. 225.1 АПК РФ).

Из приведенной нормы следует, что спор подведомствен арбитражному суду, если истец имеет статус акционера (участника) акционерного общества или участника иного хозяйственного товарищества или общества и характер спора связан с осуществлением прав и выполнением обязанностей им как акционером или участником хозяйственного товарищества или общества.

Однако, как видно из текста искового заявления К., ее требования основаны не на факте принадлежности ей доли в уставном капитале ответчика, а на факте принадлежности ей доли в праве общей с ОАО долевой собственности на земельный участок, в подтверждение чего, в частности, к исковому заявлению приложено свидетельство о праве собственности на землю, выданное на ее имя. В исковом заявлении К. не указывается, что она является учредителем и (или) участником какого-либо хозяйственного товарищества или общества.

Следовательно, на стадии разрешения вопроса о принятии искового заявления к производству у суда не имелось предусмотренных законом оснований для отнесения содержащихся в нем требований к корпоративному спору и, соответственно, для вынесения определения об отказе в принятии данного искового заявления.

Определение N 4-B10—22

Иные процессуальные вопросы

9. Суд первой инстанции не вправе отказать в принятии письменных заявлений лица, подавшего частную (кассационную) жалобу, содержащих дополнительные суждения по поводу требований, изложенных в частной (кассационной) жалобе, до ее рассмотрения по существу.

Возвращая заявителю дополнение к частной жалобе на определение Верховного суда Республики Мордовия от 28 апреля 2011 г., которым заявителю отказано в удовлетворении ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения иностранного суда, суд первой инстанции исходил из того, что данное дополнение подано по истечении предусмотренного ст. 372 ГПК РФ срока обжалования определения суда.

Между тем ст. 373 ГПК РФ определено, что подача частной жалобы и ее рассмотрение судом происходят в порядке, предусмотренном для кассационных жалоб.

В соответствии с ч. 2 ст. 337 ГПК РФ кассационные жалоба, представление подаются через суд, принявший решение.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. N 12 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», исходя из положений, закрепленных в ст. 337 ГПК РФ, подача кассационных жалоб и представлений непосредственно в суд кассационной инстанции исключается.

Вместе с тем, учитывая необходимость соблюдения гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права заявителя на справедливое судебное разбирательство, суд кассационной инстанции не может отказать в принятии письменных заявлений лица, подавшего кассационную жалобу, содержащих дополнительные суждения по поводу требований, изложенных в кассационной жалобе.

В силу ч. 1 ст. 343 ГПК РФ судья после получения кассационных жалобы, представления, поданных в установленный ст. 338 Кодекса срок и соответствующих требованиям ст. 339 и 340 Кодекса, обязан:

1) не позднее следующего дня после дня их получения направить лицам, участвующим в деле, копии жалобы, представления и приложенных к ним письменных доказательств;

2) известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы, представления в кассационном порядке в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде. О дне рассмотрения жалобы, представления в Верховном Суде РФ лица, участвующие в деле, извещаются Верховным Судом РФ;

3) по истечении срока, установленного для кассационного обжалования, направить дело в суд кассационной инстанции.

Главой 40 ГПК РФ, регламентирующей порядок обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений в суд кассационной инстанции, предусмотрено обжалование судебных постановлений путем подачи кассационной жалобы.

Частная жалоба на определение Верховного суда Республики Мордовия от 28 апреля 2011 г. была подана заявителем и вместе с делом направлена в суд кассационной инстанции.

В ст. 342 ГПК РФ закреплены основания для возврата частной (кассационной) жалобы.

При этом возвращение дополнения к частной (кассационной) жалобе действующим процессуальным законодательством не предусмотрено.

Суд первой инстанции не вправе отказать в принятии, в том числе путем возврата, письменных заявлений лица, подавшего частную (кассационную) жалобу, содержащих дополнительные суждения по поводу требований, изложенных в частной (кассационной) жалобе, до ее рассмотрения по существу.

Таким образом, исходя из положений вышеприведенных правовых норм в их взаимосвязи суд первой инстанции в случае поступления дополнения к частной (кассационной) жалобе приобщает его к частной (кассационной) жалобе и направляет с делом в суд кассационной инстанции для рассмотрения в установленном законом порядке.

Определение N 15-Г11—5

Практика взыскания судебных расходов

10. Вопрос о распределении судебных расходов разрешается судом, вынесшим решение.

Вступление в законную силу решения суда не является препятствием для рассмотрения судом первой инстанции заявления о возмещении понесенных стороной по делу судебных расходов.

Решением Краснодарского краевого суда от 19 ноября 2007 г., оставленным без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 января 2008 г., был удовлетворен иск ОАО к первичной профсоюзной организации ОАО и забастовочному комитету работников ОАО о признании забастовки незаконной.

В связи с тем, что при вынесении указанного решения вопрос о понесенных судебных расходах не рассматривался, ОАО обратилось в Краснодарский краевой суд с заявлением о взыскании расходов на оплату услуг представителей и других расходов, понесенных в связи с рассмотрением названного дела.

Определением от 17 августа 2010 г. заявление ОАО возвращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ в связи с его неподсудностью Краснодарскому краевому суду в качестве суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ данное определение судьи отменила, дело направила на новое рассмотрение в Краснодарский краевой суд, указав следующее.

Согласно ч. ч. 1 и 2 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 Кодекса. Это правило относится также к распределению судебных расходов, понесенных сторонами в связи с ведением дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

В силу ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. На основании ст. 201 указанного Кодекса суд, принявший решение по делу, может по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, принять дополнительное решение в случае, если судом не разрешен вопрос о судебных расходах. Вопрос о принятии дополнительного решения суда может быть поставлен до вступления в законную силу решения суда.

При рассмотрении дела по иску ОАО о признании забастовки его работников незаконной вопрос о судебных расходах Краснодарским краевым судом разрешен не был. Поскольку решение Краснодарского краевого суда от 19 ноября 2007 г. вступило в законную силу, возможность вынесения судом дополнительного решения о взыскании судебных расходов исключается.

Между тем вступление в законную силу решения суда не является препятствием для рассмотрения судом вопроса о судебных расходах.

В силу ч. 3 ст. 98 ГПК РФ вопрос о распределении судебных расходов в том случае, если он не был разрешен судом кассационной инстанции, должен решить суд первой инстанции по заявлению заинтересованного лица.

Статьей 104 ГПК РФ установлено, что на определение суда по вопросам, связанным с судебными расходами, может быть подана частная жалоба.

В связи с этим разрешение вопроса о распределении судебных расходов по делу, решение по которому вступило в законную силу, должно производиться судом первой инстанции в форме определения, а не дополнительного решения. При решении вопроса таким образом у стороны сохраняется право на обжалование определения о распределении судебных расходов в кассационной инстанции на основании ст. 104 ГПК РФ.

На основании ч. 4 ст. 413 ТК РФ судом первой инстанции, рассмотревшим дело о признании забастовки незаконной, является Краснодарский краевой суд.

Таким образом, вопрос о понесенных ОАО судебных расходах также подлежит разрешению Краснодарским краевым судом.

Кроме того, обращение заявителя в суд в порядке искового производства о взыскании судебных расходов повлечет возложение на ОАО дополнительной обязанности по уплате государственной пошлины.

Определение N 18-Г10—53

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. В каком размере подлежит взысканию судом единовременное пособие военнослужащим, принимавшим участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, если право на получение пособия у таких лиц возникло до 1 января 2007 года, но не было ими

реализовано до указанной даты на основании Федерального закона «О борьбе с терроризмом» или иного федерального закона?

Ответ на вопрос отозван. – Обзор судебной практики, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 N 2 (2016).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

По уголовным делам

1. Из приговора исключено указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы осужденному-военнослужащему, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ данный вид наказания таким лицам не назначается.

По приговору окружного военного суда от 7 апреля 2011 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ к 4 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 132 к 4 годам лишения свободы, по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год и лишением воинского звания. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 18 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год и лишением воинского звания.

Назначая Б. по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности совершенных им преступлений дополнительное наказание в виде ограничения свободы, суд не учел, что в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы военнослужащим не назначается.

Как установлено судом, Б. является военнослужащим.

При таких обстоятельствах Б. не могло быть назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Исходя из изложенного Военная коллегия изменила приговор и исключила назначенное Б. дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Определение N 201-О11—9

По гражданским делам

2. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и не достигшие предельного возраста пребывания на военной службе, не могут быть уволены с военной службы без их согласия до приобретения ими права на пенсию за выслугу лет, за исключением случаев досрочного увольнения по основаниям, установленным федеральным законом.

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 3 сентября 2010 г. удовлетворено заявление Б., в котором он просил признать незаконными приказ командующего Северным флотом об увольнении его с военной службы в запас по истечении срока контракта и приказ командира воинской части об исключении его из списков личного состава воинской части, а также обязать командира части заключить с ним новый контракт о прохождении военной службы.

Кассационным определением Северного флотского военного суда от 21 октября 2010 г. решение суда отменено и принято новое решение об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорной жалобе Б., утверждая, что действующим законодательством предусмотрено право проходить военную службу до достижения предельного возраста пребывания на ней, просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что заявитель, 1980 года рождения, общая продолжительность военной службы которого в льготном исчислении составляет менее 17 лет, после получения согласия 15 февраля 2010 г. обратился по команде с рапортом о переводе в другую воинскую часть на должность заместителя начальника узла связи, после чего в отношении его

состоялось заседание аттестационной комиссии о целесообразности перевода и было подготовлено соответствующее представление, которое вместе с другими документами 3 марта 2010 г. было направлено начальнику морской авиации Северного флота для принятия решения.

27 апреля 2010 г., до истечения срока действующего контракта, заявитель изъявил желание заключить новый контракт.

Следовательно, Б., не достигший предельного возраста пребывания на военной службе и не имеющий права на пенсию, надлежащим образом выразил свое желание проходить военную службу по контракту после истечения срока действующего контракта.

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и не достигшие предельного возраста пребывания на военной службе, не могут быть уволены с военной службы без их согласия до приобретения ими права на пенсию за выслугу лет, за исключением случаев досрочного увольнения по основаниям, установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

В соответствии с п. 10 ст. 9 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащему, не достигшему предельного возраста пребывания на военной службе, не может быть отказано в заключении нового контракта, за исключением случаев, когда он подлежит досрочному увольнению с военной службы по основаниям, установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», а также при наличии оснований, указанных в п. 3 ст. 4 Положения о порядке прохождения военной службы.

Командованием не представлено в судебном заседании данных о наличии оснований, установленных в Федеральном законе и Положении о порядке прохождения военной службы, для досрочного увольнения заявителя с военной службы.

При таких данных законные основания для увольнения Б. с военной службы по истечении срока контракта и отказа в заключении нового контракта отсутствовали.

Обращение Б. с рапортом о заключении нового контракта менее чем за три месяца до истечения срока действующего контракта в силу п. 11 ст. 9 Положения о порядке прохождения военной службы не препятствовало заключению с ним такого контракта. При этом содержащееся в п. 8 ст. 9 Положения требование о сроке принятия командованием решения относительно заключения с военнослужащим контракта определяет порядок действий командования, то есть процедурный вопрос, и не ограничивает период, в течение которого военнослужащий вправе изъявить желание заключить новый контракт.

Таким образом, увольнение Б. в запас по истечении срока контракта и отказ в заключении нового контракта являются незаконными, а вывод суда кассационной инстанции об обратном свидетельствует о неправильном толковании им закона.

Поскольку допущенные судом кассационной инстанции нарушения норм материального права повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав заявителя, Военная коллегия Верховного Суда РФ отменила кассационное определение Северного флотского военного суда от 21 октября 2010 г. и оставила в силе решение Североморского гарнизонного военного суда от 3 сентября 2010 г.

Определение N 210-B11—9

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Извлечения из постановлений

В постановлении по делу «Сабиров против России» от 11 февраля 2010 г. Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей, а также п. п. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции в связи с необеспечением эффективной правовой защиты заявителя.

Обстоятельства дела: приговором мирового судьи от 8 июля 2003 г. заявитель был признан виновным в совершении преступления и ему назначено наказание в виде одного года девяти месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком два года. 19 августа 2003 г. районный суд рассмотрел дело в апелляционной инстанции и оставил приговор в отношении заявителя в силе. При этом условное наказание было заменено на реальное. Мера пресечения изменена на заключение под стражу. 9 октября 2003 г. верховный суд республики отменил приговор районного суда от 19 августа 2003 г. и вернул дело в районный суд на повторное рассмотрение. Заявитель был оставлен под стражей. 5 ноября 2003 г. районный суд назначил слушание дела в апелляционной инстанции на 13 ноября 2003 г., оставив меру пресечения – заключение под стражу – без изменения. 5 декабря 2003 г. районный суд оставил в силе приговор мирового судьи в отношении заявителя, условное лишение свободы было заменено на реальное. Верховный суд республики 17 февраля 2004 г. вновь рассмотрел дело в кассационном порядке с участием прокурора. Ходатайство прокурора о переквалификации обвинения отношении заявителя было удовлетворено. Суд признал заявителя виновным в нанесении побоев и приговорил его к одному году восьми месяцам и пятнадцати дням лишения свободы. Ни заявитель, ни его адвокат на заседании суда кассационной инстанции не присутствовали.

Позиция Европейского Суда: в отношении содержания заявителя под стражей в период с 9 октября по 5 ноября 2003 г. Европейский Суд отметил, что «...приговор суда апелляционной инстанции от 19 августа 2003 г. был отменен в полном объеме... национальное уголовно-процессуальное законодательство требует, чтобы верховный суд (республики) принимал решение о необходимости оставления заявителя под стражей до момента нового рассмотрения дела судом апелляционной инстанции... Тем не менее, верховный суд (республики) этого не сделал. В результате с 9 октября по 5 ноября 2003 г. заявитель был лишен свободы более чем на месяц в отсутствие судебного акта или любого иного законного основания. Следовательно, содержание заявителя под стражей в рассматриваемый период „законным“ или „соответствующим установленному законом порядку“ не являлось».

Относительно содержания заявителя под стражей с 5 ноября по 5 декабря 2003 г. Европейский Суд указал, что в постановлении о назначении судебного заседания суда апелляционной инстанции «...районный суд не привел никаких оснований для продления содержания заявителя под стражей. В результате заявитель так и не узнал об основаниях своего содержания под стражей после 5 ноября 2003 г.».

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...постановление районного суда от 5 ноября 2003 г. не соответствует требованиям ясности содержания, предсказуемости и защиты от произвола, которые совместно представляют собой основные элементы „законности“ содержания под стражей в значении п. 1 ст. 5 Конвенции».

Что касается рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции в отсутствие заявителя, не обращавшегося с ходатайством об обеспечении его присутствия, и адвоката,

назначенного судом и не явившегося в судебное заседание без объяснения причин, Европейский Суд, ссылаясь на собственную прецедентную практику, указал, что «...недопустимо возлагать на государство ответственность за каждый недочет со стороны адвоката, назначенного для оказания юридической помощи, либо избранного обвиняемым... Компетентные национальные власти согласно п. 3 (с) ст. 6 Конвенции обязаны вмешиваться только в случае, если необеспечение эффективного представительства со стороны защитника является явным, или же власти достаточно обоснованно проинформированы об этом каким-либо иным образом».

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд пришел к выводу, что «отказ заявителя от права лично присутствовать на слушании дела не освобождает судебные власти от ответственности за принятие мер, необходимых для обеспечения (я) эффективности его защиты».

Поскольку адвокат «...свои обязанности по защите заявителя надлежащим образом не исполнил, и факт неисполнения им обязанностей верховному суду (республики) был очевиден... в данных обстоятельствах суд был обязан вмешаться, особенно ввиду присутствия прокурора и его ходатайства о переквалификации обвинений против заявителя».

Таким образом, по мнению Европейского Суда, «...верховный суд республики... не обеспечил эффективной защиты заявителя назначенным государством адвокатом. Соответственно, имело место нарушение пунктов 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции».

В постановлении по делу «Карасев против России» от 21 октября 2010 г. Европейский Суд признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства.

«29 марта 2000 г. заявитель и еще двое лиц были задержаны по подозрению в совершении нападения и нанесении тяжких телесных повреждений, приведших к смерти».

Европейский Суд установил, что «...уголовное судопроизводство в отношении заявителя было начато 29 марта 2000 г. и завершено 24 февраля 2005 г., в течение данного периода дело было рассмотрено судами двух инстанций. Общая длительность судебного разбирательства составила четыре года и одиннадцать месяцев».

Рассматривая вопрос разумности срока судебного разбирательства в свете обстоятельств дела и с учетом сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти, Европейский Суд счел, что «...дело было довольно простым, касалось одного происшествия, и по его существу было проведено два заседания. Что касается поведения заявителя, то... болезнь заявителя, а также его длительный отказ по невыясненной причине от ознакомления с материалами дела задержали разбирательство примерно на один год. Что касается поведения властей, то... причинами некоторых задержек были болезнь судьи и откладывание проведения судебных экспертиз».

Наибольшее внимание Европейского Суда было обращено на тот факт, что «...на протяжении одного года и восьми месяцев, в течение которых нанятый заявителем частный адвокат не являлся на слушания, суд первой инстанции не воспользовался предоставленной законом возможностью предложить заявителю нанять другого адвоката или назначить государственного защитника в соответствии с положениями российского законодательства...».

Европейский Суд пришел к выводу, что «...общая задержка, имевшая место по вине властей, составляет приблизительно два года и девять месяцев. С учетом того факта, что заявитель находился под стражей в течение всей длительности разбирательства за исключением девяти месяцев... такое бездействие является неприемлемым и расценивается как нарушение требования разумного срока ст. 6 Конвенции».

В постановлении по делу «Шуленков против России» Европейский Суд признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей и п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с проведением слушания по делу в отсутствие заявителя.

Позиция Европейского Суда: «10 апреля 2004 г., т.е. в день передачи прокурором материалов по делу в суд первой инстанции, истек срок содержания заявителя под стражей по постановлению суда от 13 февраля 2004 г. Однако следующего решения, касающегося его содержания под стражей, принято не было... После того, как действие постановления о продлении срока содержания под стражей истекло 10 апреля 2004 г., содержание заявителя под стражей оставалось несанкционированным судом. В постановлении городского суда от 23 апреля 2004 г. не упоминалось содержание заявителя под стражей, а последующим постановлением городского суда от 13 мая 2004 г., которое... областной суд 9 июня 2004 г. оставил в силе в кассационной инстанции, было всего лишь отклонено ходатайство заявителя об освобождении, и оно не представляло собой официальное постановление о продлении содержания под стражей, требующееся по российскому законодательству».

Ссылаясь на постановление по аналогичному делу «Мельникова против России», Европейский Суд указал, что «...ходатайства об освобождении, поданные обвиняемым в изоляторе, не освобождают национальные органы власти от обязанности санкционировать его или ее содержание под стражей „в соответствии с процедурой, предписанной законодательством“ путем принятия официального постановления о содержании под стражу (ей), как предусмотрено в п. 1 ст. 5 Конвенции».

Также, с учетом прецедентной практики, Европейский Суд пришел к выводу, что постановление городского суда от 31 мая 2004 г. о назначении дела к слушанию, которым было определено, что «...обвиняемые „должны оставаться под стражей“... не соответствовало требованиям ясности, предсказуемости и защищенности от произвола, которые в совокупности являются существенными элементами принципа „законности“ содержания под стражей в значении п. 1 ст. 5 Конвенции».

Рассматривая вопрос предполагаемого нарушения п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с проведением слушания 30 декабря 2003 г. в отсутствие заявителя, Европейский Суд напомнил, что «...судебные заседания, на которые арестованный или заключенный имеет право быть доставленным на основании п. 4 ст. 5 Конвенции для пересмотра „правомерности“ его или ее содержания под стражей, должны быть состязательными, и на них всегда должно обеспечиваться равноправие сторон. Возможность заключенного быть услышанным как лично, так и посредством представительства в каком-либо виде, составляет одну из основных гарантий, действующих, когда речь идет о лишении свободы...».

«...30 декабря 2003 г. ходатайство прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей было рассмотрено. На слушаниях присутствовал обвинитель и гражданин Л., только что назначенный представлять заявителя, поскольку сам заявитель находился в следственном изоляторе в Москве...», несмотря на то, что «...освидетельствование было завершено уже к 26 декабря 2003 г., т.е. за четыре дня до проведения слушаний».

При таких обстоятельствах Европейский Суд пришел к выводу, что «...российские суды не проявили надлежащего усердия в том, чтобы установить местонахождение заявителя и принять соответствующие меры для того, чтобы обеспечить его участие в слушаниях, как того требует п. 13 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса».

Кроме того, Европейский Суд не убежден в том, что участие защитника Л. было достаточным для обеспечения справедливости в процессе слушаний, касающихся дальнейшего содержания под стражей. Европейский Суд отмечает, что гражданин С., предыдущий защитник заявителя, не мог присутствовать на заседаниях в тот день, когда слушалось дело заявителя, и вместо него назначили гражданина Л. Эта замена была произведена в последнюю минуту. У Л. не было времени на поездку в Москву, для того чтобы получить инструкции от заявителя или обсудить с ним необходимые вопросы. Однако городской суд не рассмотрел возможность перенести заседание, с тем чтобы обеспечить участие в нем С., который знал заявителя и был

знаком с обстоятельствами его дела, или чтобы предоставить Л. достаточный период времени и возможности для разговора с заявителем и изучения материалов дела».

При таких данных Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель был лишен «... эффективного обжалования правомерности его содержания под стражей. Следовательно, имело место нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции».

В постановлении по делу «Банникова против России» Европейский Суд установил отсутствие нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции, признав соблюденным принцип справедливого судебного разбирательства.

Обращаясь в Европейский Суд с жалобой на отсутствие справедливого разбирательства, заявитель, в частности, указывала, что ее признали виновной в преступлении, связанном со сбытом наркотических средств, которое она совершила исключительно из-за подстрекательства со стороны агента-provokatora, вопрос подстрекательства не был должным образом исследован в ходе судебного разбирательства в национальном суде.

Позиция Европейского Суда: «В специфическом контексте методов ведения расследования, применяемых для борьбы с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией, позиция Европейского Суда состоит в том, что общественный интерес не может служить оправданием для применения доказательств, полученных в результате подстрекательства со стороны полиции, поскольку таковое с самого начала подвергло бы обвиняемого риску окончательного лишения права на справедливое судебное разбирательство... В своей обширной прецедентной практике Европейский Суд разработал понятие провокации преступления с целью его изобличения, нарушающее п. 1 ст. 6 Конвенции, в отличие от применения законных агентурных методов в уголовном следствии».

Анализируя обстоятельства настоящего дела применительно к критериям, разработанным Судом для отличия провокации преступления с целью его изобличения от разрешенного поведения, Европейский Суд рассмотрел вопрос, «...оставались ли представители государства, проводившие скрытую операцию, в рамках „фактически пассивного“ поведения или вышли за его пределы, действуя как агенты-provokatory», а также произвел оценку процедуры, «... посредством которой заявление о подстрекательстве... разрешено национальными судами...».

Европейский Суд отметил, что «...заявительница начала организацию сделки, направленной на сбыт наркотических средств, в сентябре 2004 г., предположительно посредством некоего Владимира, который просил ее продать ему большое количество конопли и принуждал ее к данной сделке. До 28 января 2005 г. заявительница готовилась к продаже, действуя в качестве посредника между С., поставщиком, и Владимиром. Согласно собственным показаниям заявителя в суде, ее первая встреча с секретным агентом ФСБ Б. состоялась 29 января 2005 г., непосредственно перед проверочной закупкой. К тому моменту ФСБ уже располагала записями ее разговоров с С., имевшими место с 23 по 27 января 2005 г., по поводу текущей продажи наркотиков. Из данных разговоров следует, что агент ФСБ Б. вошел в операцию, когда та уже осуществлялась. Таким образом, поскольку задействована роль Б., он несомненно просто „присоединился“ к преступным действиям, а не спровоцировал таковые».

Европейский Суд согласился с мнением национального суда, что исследованные в судебном заседании записи «...разговоров заявителя с С., упоминавших «предшествующие случаи продажи наркотических средств, оставшийся непроданным запас наркотических средств, появление новых клиентов и перспективы совместного осуществления новой продажи... (имеют) ...важное значение для вывода о существовавшем ранее намерении заявителя продать наркотики».

Европейский Суд также отметил, что «...сотрудник ФСБ Б. был вызван и подвергнут перекрестному допросу во время судебного заседания и что заявительница имела возможность задавать ему вопросы о личности Владимира и его предполагаемой роли в качестве осведо-

мителя ФСБ или агента-provokatora. В результате никакой такой связи или существования такого лица установлено не было».

«В свете вышесказанного Европейский Суд считает, что заявление заявительницы о подстрекательстве было надлежащим образом рассмотрено в российских судах, которые приняли необходимые меры для установления истины и устранения сомнений, совершила ли заявительница преступление в результате подстрекательства агентом-provokatorом... Принимая во внимание пределы судебного пересмотра заявления заявителя о подстрекательстве, Европейский Суд установил, что разбирательство дела заявителя соответствовало понятию справедливости, требуемому ст. 6 Конвенции».

В постановлении Большой Палаты Европейского Суда «Сахновский против России» Европейским Судом установлено нарушение п. 1 ст. 6 во взаимосвязи с п. 3 (с) ст. 6 Конвенции ввиду несправедливости судебного разбирательства по уголовному делу в отношении Сахновского С. В. в связи с необеспечением права заявителя на эффективную юридическую помощь при рассмотрении уголовного дела в отношении его в суде кассационной инстанции, заседание которого проходило в формате видеоконференцсвязи.

Обращаясь с жалобой в Европейский Суд, заявитель указывал на «...несправедливость уголовного судопроизводства в его отношении. В частности, он жаловался на то, что на слушании в суде кассационной инстанции в 2002 г. ему не была предоставлена правовая помощь, и он мог общаться с залом суда только посредством видеосвязи. Далее заявитель жаловался на то, что во время апелляционного (имеется в виду – кассационного) производства в 2007 г. после отмены вынесенного ранее судебного решения его права не были восстановлены. В частности, несмотря на его ходатайства, ему не позволили присутствовать в зале суда лично; также он был лишен возможности эффективно общаться со своим адвокатом».

Позиция Европейского Суда: «Право обвиняемого на общение со своим адвокатом без риска быть услышанными третьей стороной является одним из основных требований справедливого суда в демократическом обществе и следует из п. 3 (с) ст. 6 Конвенции... Если бы адвокат был не в состоянии советоваться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции без такого внешнего наблюдения, его помощь утрачивала бы большую часть своей полезности, поскольку целью Конвенции является предоставление гарантии прав, которые практичны и эффективны...».

«Что касается использования видеосвязи, то Европейский Суд напоминает, что такая форма участия в судебном процессе не противоречит принципам справедливости и публичности слушаний, но необходимо сделать так, чтобы заявитель мог следовать ходу судебного процесса и его можно было слышать без технических помех, и чтобы было обеспечено эффективное и конфиденциальное общение с юристом...».

Европейский Суд указал, что «...заявитель мог пообщаться со своим только что назначенным адвокатом в течение пятнадцати минут, непосредственно перед началом слушаний». Учитывая сложность и серьезность дела, Европейский Суд пришел к выводу, что «...отведенного времени определенно было недостаточно для того, чтобы заявитель обсудил дело с адвокатом и убедился, что А. в надлежащей степени владела информацией по его делу, а юридическая позиция была оптимальной».

Относительно степени конфиденциальности общения посредством видеосвязи между заявителем и адвокатом Европейский Суд отметил, что «...заявитель определенно мог испытывать дискомфорт, обсуждая свое дело с г-кой А.».

Соглашаясь, что «...перевозка заявителя из Новосибирска в Москву для встречи с адвокатом представляла бы собой операцию длительную и дорогостоящую...», Европейский Суд признал, что «...ничего не мешало органам власти организовать по меньшей мере телефонный разговор между заявителем и А. несколько раньше, чем перед самыми слушаниями. Ничего не мешало им назначить адвоката из Новосибирска, который мог бы посещать заявителя в изо-

ляторе временного содержания и находиться рядом с ним во время слушаний. Кроме того, неясно, почему Верховный (С) уд Российской Федерации не возложил обязанность представлять заявителя на того адвоката, который уже защищал его в суде первой инстанции и готовил первоначальную кассационную жалобу. Наконец, Верховный (С) уд мог бы назначить слушания по собственной инициативе так, чтобы предоставить заявителю достаточно времени, чтобы обсудить дело с А.».

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что «...усилия, предпринятые Верховным (С) удом Российской Федерации, были недостаточны и не обеспечили эффективной юридической поддержки заявителю во время второго раунда апелляционного (имеется в виду – кассационного) судопроизводства».

В постановлении «Костин против России» Европейским Судом установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с ненадлежащим извещением заявителя о рассмотрении дела в суде кассационной инстанции.

Обращаясь с жалобой в Европейский Суд, заявитель утверждал, что он не был уведомлен о заседании суда кассационной инстанции, которое состоялось 27 октября 2005 г.

Позиция Европейского Суда: оценивая доводы властей Российской Федерации о своевременном уведомлении заявителя о заседании суда кассационной инстанции, представивших в подтверждение своей позиции копию повестки от 4 октября 2005 г., подписанной судьей, с регистрационным номером и датой подготовки на печати секретариата районного суда, Суд отметил, что «...Власти не представили никаких доказательств, того, что повестка была на самом деле направлена заявителю, и что он ее получил. Кроме того, он отмечает, что суд кассационной инстанции не проверил факт надлежащего извещения заявителя о дате судебного заседания».

Основываясь на собственной прецедентной практике по делам, в которых поднимались аналогичные вопросы, Суд установил, что «...заявитель был лишен возможности присутствовать на заседании суда кассационной инстанции, поскольку его не уведомили о дате слушания. Отсюда следует, что имело место нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство, определенного пунктом 1 статьи 6 Конвенции».

Жалоба N 13465/04

Жалоба N 35677/05

Жалоба N 38031/04

Жалоба N 18757/06

Жалоба N 21272/03

Жалоба N 23464/06

Тексты постановлений получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. Пунктуация и орфография авторов перевода сохранены.

Отдел специального контроля

*Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики*

ОБЗОР КАССАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2011 ГОДА (Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г.)

I. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАБОТЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За первое полугодие 2011 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – Судебная коллегия) по кассационным жалобам и представлениям на судебные решения республиканских, краевых, областных и равных им судов (судов уровня субъекта Российской Федерации) рассмотрено 2 441 кассационное дело в отношении 4 078 лиц.

По кассационным жалобам и представлениям на приговоры, постановления о прекращении дела и о применении мер медицинского характера к невменяемым (по существу дела) рассмотрено 1 285 дел в отношении 2 520 лиц.

В кассационном порядке проверены:

- обвинительные приговоры в отношении 2 372 осужденных;
- оправдательные приговоры – 129 лиц;
- постановления о прекращении дела – 9 лиц;
- постановления о применении мер медицинского характера – 10 лиц.

Отменены приговоры и постановления по существу дела в отношении 138 лиц.

Обвинительные приговоры отменены в отношении 101 осужденного:

– с направлением на новое судебное рассмотрение в полном объеме отменены приговоры в отношении 95 осужденных, в том числе в отношении 18 осужденных – ввиду мягкости назначенного наказания;

– частично с оставлением в силе другого менее тяжкого обвинения отменены приговоры в отношении 6 осужденных.

Оправдательные приговоры отменены в отношении 28 человек. Изменены приговоры в отношении 179 осужденных, из них:

– с изменением квалификации преступления в отношении 29 осужденных, в том числе со снижением меры наказания – 23 осужденных;

– снижено наказание без изменения квалификации преступления в отношении 150 осужденных.

В отношении 489 лиц вынесены другие кассационные определения с удовлетворением жалобы или представления, но без отмены или изменения приговора в части квалификации преступления или меры наказания (отмена и изменение приговора по менее тяжкому обвинению, исключение эпизода, изменение законодательства и т.п.).

Приговоры в отношении 1 714 лиц оставлены без изменения.

По кассационным жалобам и представлениям на приговоры, постановленные в первой инстанции коллегией присяжных заседателей, рассмотрено 260 дел в отношении 582 лиц (465 осужденных и 117 оправданных).

Отменены приговоры в отношении 47 осужденных и 25 оправданных.

Изменены приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, в отношении 29 осужденных.

В кассационной инстанции по жалобам и представлениям на определения, вынесенные на стадии судебного производства, в порядке судебного контроля и в порядке исполнения приговора рассмотрено 1 156 дел в отношении 1 558 лиц.

По рассмотренным в кассационном порядке делам вынесено 19 частных определений на нарушения закона, допущенные при производстве дознания и следствия, при рассмотрении дела судом, а также о причинах и условиях, способствовавших преступлению.

II. ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

1. Квалификация преступлений

1.1. Из приговора исключено осуждение виновных по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (признак совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору»), поскольку они организовали приготовление к убийству, которое должен был совершить один исполнитель, а не группа лиц.

По приговору Самарского областного суда от 17 декабря 2010 г. Ж. и К. осуждены по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ж. и К. признаны виновными в организации приготовления к убийству двух лиц – отца и брата Ж., группой лиц по предварительному сговору, по найму. Согласно достигнутой договоренности убийство должен был совершить А.

Судебная коллегия установила, что суд правильно квалифицировал действия Ж. и К. по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. п. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию приготовления к убийству двух лиц, по найму, поскольку оба осужденных, задумав совершение убийства двух лиц, совместно разрабатывали план его совершения, подыскивали его исполнителя, снабжали исполнителя необходимой информацией, договаривались о сумме вознаграждения, вырабатывали для себя алиби.

Вместе с тем Судебная коллегия признала ошибочной квалификацию содеянного Ж. и К. по предусмотренному п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ признаку «группой лиц по предварительному сговору» на том основании, что осужденные организовали приготовление к убийству двух лиц, которое должно было совершить одно конкретное лицо – исполнитель, а не группа лиц.

В связи с этим Судебная коллегия изменила приговор и исключила из него осуждение Ж. и К. по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

1.2. Из приговора в отношении лица, признанного виновным по ч. 1 ст. 222 УК РФ в незаконных ношении и перевозке огнестрельного оружия и боеприпасов, исключено осуждение за незаконную перевозку, поскольку, по смыслу закона, ответственность за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов наступает в случае, если эти предметы находились не непосредственно при обвиняемом.

По приговору Челябинского областного суда от 25 июня 2010 г. Н. осужден за совершение совокупности преступлений, включающей преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК РФ, по которой он признан виновным в незаконных ношении и перевозке огнестрельного оружия и боеприпасов.

Как видно из приговора, огнестрельное оружие – пистолет не установленной органами предварительного следствия модели и боеприпасы – 7 патронов к данному пистолету Н. носил и перемещал за поясом и в карманах своей одежды.

Судебная коллегия изменила приговор и исключила осуждение Н. по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, сославшись на то, что согласно приговору Н. перемещал эти предметы непосредственно при себе, а, по смыслу закона, под незаконной перевозкой указанных предметов понимается их перемещение на любом виде транспорта, но не непосредственно при обвиняемом.

В связи с этим действия Н. полностью охватываются составом ношения оружия и боеприпасов и дополнительной квалификации как их перевозка не требуют.

1.3. Действия виновного, связанные с уничтожением имущества, которое было им похищено, представляют собой способ распоряжения похищенным по своему усмотрению и дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 167 УК РФ не требуют.

По приговору Верховного Суда Республики Башкортостан от 7 декабря 2010 г. Г. осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Г. признан виновным в разбойном нападении на Х., совершенном с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также в умышленном убийстве Х., сопряженном с разбоем, и в умышленном уничтожении его имущества, повлекшем причинение значительного ущерба, совершенном путем поджога.

Судебная коллегия изменила приговор и исключила осуждение Г. по ч. 2 ст. 167 УК РФ, так как согласно приговору осужденный Г. совершил разбойное нападение на потерпевшего Х. в целях завладения его автомашиной и, завладев ею (то есть выполнив объективную сторону разбоя), в дальнейшем распорядился ею по своему усмотрению – сжег.

При таких обстоятельствах действия совершившего разбой Г., связанные с распоряжением похищенным автомобилем, какой-либо дополнительной квалификации не требуют, их квалификация по ч. 2 ст. 167 УК РФ является излишней, а осуждение по данной статье – необоснованным.

1.4. Приговор изменен и действия осужденных, квалифицированные судом по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, переквалифицированы исходя из последствий содеянного каждым из них.

По приговору Приморского краевого суда от 5 октября 2010 г. К.Д., К.В. и К.М. осуждены за совершение совокупности преступлений, включающей преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ.

Они признаны виновными в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Т., опасного для жизни человека, совершенном группой лиц.

Изменяя приговор, Судебная коллегия указала следующее.

Поскольку предварительного сговора на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего судом не установлено и нет оснований для утверждения о том, что все трое осужденных, избивая потерпевшего, имели умысел на причинение тяжкого вреда его здоровью, их действия подлежат квалификации исходя из последствий действий каждого из них.

При этом Судебная коллегия учитывает, что судом первой инстанции правильно, на основании совокупности достоверных доказательств и их надлежащей оценки, установлены фактические обстоятельства содеянного, при которых К.Д. нанес потерпевшему удары в область головы, причинив черепно-мозговую травму, классифицированную как тяжкий вред здоровью, К.В. нанес удары по телу, причинив ссадины и кровоподтеки, не повлекшие вреда здоровью, а К.М. нанесла удар ножом в ногу, причинив рану левой голени, повлекшую легкий вред здоровью, и, кроме того, принесла и дала К.Д., избивавшему потерпевшего, палку.

В связи с этим Судебная коллегия переквалифицировала действия К.Д. с п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г.), а действия К.В. и К.М. – на статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за последствия, наступившие от содеянного каждым из них.

2. Назначение наказания

2.1. Виды наказаний

2.1.1. При назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности суд в соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ в приговоре должен указать конкретный вид таких должностей.

По приговору Челябинского областного суда от 14 октября 2010 г. Т. осужден по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 228 УК РФ к 5 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 6 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года, с лишением специального звания «майор милиции». На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено 7 лет лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года, с лишением специального звания «майор милиции».

Судебная коллегия установила, что суд, назначив дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе как за конкретное преступление, так и по совокупности преступлений, не выполнил требования ст. 47 УК РФ, согласно которой осужденный может быть лишен права занимать лишь определенные должности, из чего следует, что суд обязан конкретизировать вид таких должностей.

С учетом конкретных обстоятельств дела Судебная коллегия изменила приговор и исключила из него назначение Т. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года.

2.1.2. При назначении наказания в виде исправительных работ суд в соответствии с ч. 3 ст. 50 УК РФ в приговоре должен определить процент удержаний из заработной платы осужденного в доход государства.

По приговору Тюменского областного суда от 3 декабря 2010 г. Г. осужден за совершение совокупности преступлений, включающей преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 325 УК РФ, за которое ему назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 9 месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.